

НИЖЕГОРОДСКІЯ ВѢДОМОСТИ

(ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА, ВЫХОДИТЪ ПО СРЕДАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на неофициальную часть „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостей“ въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ доставкой и пересылкой въ другіе города: 4 р. за годъ и 2 р. 50 к. за полгода.

Подписка принимается въ типографіи губернскаго правленія, у г. нижегородскаго полиціймейстера и у гг. уѣдныхъ исправниковъ.

За помѣщеніе частныхъ объявленій взимаются: впереди текста 20 к., поледи текста 10 к. со строки петита, въ одну колонку, за одинъ разъ. Въ розничной продажѣ на № неоф. части 10 к., а вмѣстѣ съ оффич. частью 20 к.

№ 1.

Телефонъ редакціи и типографіи № 330

Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ редакцію, должны быть на подписи и съ адресомъ автора.

Статьи, присылаемыя безъ обозначенія условій, считаются безплатными. Въ ихъ противъ — вознагражденіе по взаимному соглашенію.

Статьи, признанныя неудобными для печатанія, не возвращаются.

Статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и измѣненію.

Личныя объясненія съ редакціей принимаются (кроме праздничныхъ дней) отъ 10 до 12 ч. дня въ редакціи „Нижегород. Губ. Вѣд.“, въ противъ, къ зданію губернскаго правленія.

ОТЪ ПРЕДСѢДТЕЛЯ

Нижегородскаго Ярмарочнаго Комитета.

Согласно постановленія Ярмарочнаго Комитета отъ 3 декабря сего года, имѣю честь довести до свѣдѣнія г. г. облигационеровъ Нижегородскаго Ярмарочнаго Комитета, что уплата 0/0/0 по купонамъ облигацій на срокъ 2 января 1900 г. будетъ производиться въ Правленіи Волжско-Камскаго Банка въ С.-Петербургѣ и въ отдѣленіяхъ его въ Москвѣ и Н.-Новгородѣ, куда Комитетомъ уже препровождена потребная для сего сумма, причемъ слѣдуемый сборъ отъ денежныхъ капиталовъ будетъ удерживаться Банкомъ при предъявленіи купоновъ.

3-2.

Нижній-Новгородъ, 1-го января.

Сегодня — знаменательный день въ нашей жизни: съ нынѣшняго дня наступилъ новый годъ.

Мы не вѣдаемъ, какое грядущее сулитъ намъ новый годъ. Что мы оставили позади себя въ прошломъ, безпристрастно скажетъ исторія, но и тутъ, несмотря на тѣсныя рамки настоящей статьи, мы не можемъ обойти молчаніемъ величайшаго мірового событія, совершившагося въ концѣ XIX столѣтія. Мы говоримъ о гаагской мирной конференціи, почивъ которой всецѣло принадлежитъ русскому Царю. Какъ символъ и залогъ народнаго блага и счастья, великая идея мира, заповѣданная Христомъ, положенная въ основу святого дѣла, душою котораго является русскій Императоръ, а рядомъ — тѣ безчисленныя бѣдствія и зло, которое несетъ война, сами за себя говорятъ о значеніи величайшаго событія, коимъ является гаагская конференція.

Встрѣчая новый годъ, мы, труженики печатнаго слова, обязаны прежде всего коснуться „наболѣвшаго“ вопроса, какимъ является вообще наша сфера дѣятельности и въ частности тотъ тяжелый и тернистый путь, по которому приходится всю жизнь идти газетному работнику. Въ настоящей ограниченной статьѣ не мѣсто и не время говорить объ условіяхъ, тормозящихъ здоровое развитіе печатнаго слова, но.... мы хотимъ вѣрить въ лучшее будущее этого слова.

Надежду и глубокую вѣру прежде всего далъ намъ Великій Создатель гаагской конференціи — Государь Императоръ Николай II, признавъ указомъ 14 января 1895 г. тружениковъ печатнаго слова вѣрными и полезными слугами Престола в Отечества.

Слѣдуетъ также помнить фактъ, признанный правительствомъ и всѣмъ просвѣщеннымъ обществомъ, что печать — лучший помощникъ правительства.

Необходимо отмѣтить, что русское общество, научившееся цѣнить заслуги печатнаго слова, теперь уже требуетъ отъ него правдиваго и всесторонняго освѣщенія жизни и ея явленій, событий и т. п., а между тѣмъ печать не властна удовлетворить такое требованіе....

Печатному слову, поставленному въ извѣстныя условія, приходится съ величайшимъ трудомъ пробиваться къ свѣтлому пути, а печать только на этомъ пути можетъ явиться вѣрной помощницей правительству во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, направленныхъ къ народному благу. Только при этихъ условіяхъ могутъ самими собой рухнуть всѣ загражденія, стоящія на пути лучшихъ задачъ и стремленій печати (особенно провинціальной); тогда не будетъ недосказан-

ныхъ рѣчей, полусвѣта, недожоговъ, туманныхъ тенденцій и т. п., словомъ — не будетъ того вопіющаго зла, за которое теперь справедливо укоряетъ общество, такъ чутко относящееся къ голосу печати.

Великая миссія печати — стремленіе къ свѣту и правдѣ. На этомъ пути мы желаемъ печатному слову всякихъ успѣховъ.

Горячо приветствуемъ и всѣхъ тружениковъ печатнаго слова, несущихъ на себѣ тяготы тяжелаго, но святого дѣла. Съ Новымъ годомъ!

Съ новогодними привѣтствіями тѣсно связаны „лучшія пожеланія“, между которыми первое мѣсто занимаетъ желаніе счастья....

Счастье, говорятъ, безконечно растяжимое понятіе, т. е., другими словами сказать, счастье представляетъ всякій по-своему, хотя болѣе ширинство, къ сожалѣнію, счастье видятъ единственно въ богатствѣ, вопреки мудрыхъ поговорокъ, освященныхъ вѣками, что „счастье не въ богатствѣ“, что больше всего льются слезы отъ золота.... и т. д.

И въ самомъ дѣлѣ, что такое богатство, какъ ни грандіозная ложь, ложь отъ начала до конца. Рухнется богатство, рухнетъ и это прозрачное, мимурное счастье. Увлеченный ложнымъ положеніемъ, которое создаетъ богатство, властью силой и могуществомъ, которыя лживо приписываютъ богатству, богатъ забываетъ весь міръ или же смотритъ на него, какъ на предметъ удовлетворенія своихъ недостойныхъ страстей. Если у богача существуетъ связь съ живымъ міромъ, приближающая его къ истинно человеческимъ идеаламъ, то эта связь, казалось бы, заключается въ дѣлахъ благотворительности. Но въ большинствѣ случаевъ святое дѣло благотворительности является у б.

Наконец и в самом характере Запорожного и генерала существовали такие качества, которые искушали взаимно ненависти друг друга. Генерал был всемогущим, а в таком состоянии, теряя перед собой почву, человек, как известно, близок к тому, чтобы сделать ошибку. Запорожный—всегда тихий и ровный, стараясь утишать страсти, сохраняя некое спокойствие. И этим он всегда достигал цели.

Запорожский совет страстно своей благодарностью отдался делу помощи переселенцам. Даже случилось однажды так, что Григорий Павлович едва сам не ушел в далекую Сибирь с одной переселенческой партией. Об этом инциденте долго говорили и сжались целый город. Дело происходило так. Встретив одну зарпю землекоп, Запорожский долго выжидал с ней и кончил тем, что закутил малость и пока продолжался период а bon sang'a, он все время поселился в бараке среди переселенцев, ршив покинуть благословенный Захотуевский город и идти с этой партией.

Когда узнали об этом генерал, то прежде всего прислал Запорожному письму и из очень деликатных выражений освещался об его здоровье, и Григорий Павлович отыгнул лаконически, что он шестой день пьет за здоровье его превосходительства, на что генерал приказал передать, что «пора бы и окончить».

Раз три-четыре в год постигала Запорожного эта «слабость» и каждый раз приносила ему массу огорчений и неприятностей. Он страдал физически и нравственно, и даже при этих условиях не мог отбрышиться, чтобы спустя мѣсяца три не возобновить своего, как он говорил, обычного «coup de that».

— Ничего не подымаешь, богины... богины воля...

Он тяжело вздыхал и, казалось, что его глаза были полны слез.

Каждый раз, как только возобновлялся «сеанс», продолжавшийся около недели, Запорожский обыкновенно исчезал. Самое исчезновение, несмотря на то, что оно повторялось регулярно, всегда производило сенсацию в обществе.

— А вы слышали, вѣдь, Григорий Павлович опять...

— Неужели опять?... Ах, какая жалость...

Общество соблаговолало так же, как обыкновенно соблаговолало лицу, которого постигло особенное несчастье. Генерал так тот же прямо-таки приходил в отчаяние, когда его камердинер, Евстратичъ, приходил к генералу с поврежденной головой и поклаивал:

— Ваше п-во, его высокобродіе Григорий Павлович извоили пропасть...

— Как, опять исчез?

— Пропали-съ.

Евстратичъ съ отчаяніем махал рукой.

Генерал непритворно скорбѣл, иногда сердился и ворчал, давал даже обѣщаніе распечь, но въ общемъ относился снисходительно, прекрасно зная, какъ тяжело приходилось Запорожному расплачиваться за свое «исчезновение».

И послѣ исчезновения каждый разъ генералъ встрѣчалъ Запорожного, какъ добрый отецъ хотя блуднаго, но больного сына, — съ добродушной и пріятливой улыбкой.

— Ну что, Григорий Павловичъ, — спрашивалъ онъ, смотря на блѣдное, изнеможенное лицо своего любимца, — кончили сеансъ?

— Ковчили, ваше п-во.

— Ну и слава Богу.

— Слава Богу, — повторялъ Запорожский и такъ тяжело, тяжело вздыхалъ.

Слабость была единственнымъ больнымъ мѣстомъ Запорожного, была величайшимъ несчастіемъ, зломъ, словомъ, представляла противоположный полюсъ тѣхъ внутреннихъ достоинствъ, которыми онъ обладалъ, яко-нибудь эта слабость, привела его къ роковому распутию, къ повѣствованію о которомъ мы и переходимъ.

Дело происходило зимой. На дворѣ мела такая снѣжная буря, что свѣта Божьяго не видно было. Григорий Павловичъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ (онъ жилъ въ аппар-

таментахъ губернаторскаго дворца, рядомъ съ обширной прѣмной) и благодушествовалъ съ обширной прѣмной) и благодушествовалъ у камина за чашкой, занавѣшенный журналомъ и газетами. Изрѣдка онъ быстро поднимался съ своего мѣста подходить къ мольберту съ натянута мольбертомъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, нервно теревилъ усы, ходилъ изъ угла въ уголъ своего обширнаго кабинета, времяемъ опять останавливался передъ мольбертомъ, при чемъ подолгу смотрѣлъ на полотно, какъ будто видѣлъ на немъ какое то реальное изображеніе своего художественнаго творчества, а потомъ снова опускался на кресло и снова принимался за книгу.

Въ эти минуты мирнаго благодушія на порогѣ неожиданно появился старый приятель и землякъ Запорожнаго, нѣкій Измаильченко.

Онъ торопливо податъ руку хозяину и, не здороваясь какъ слѣдуетъ, прямо началъ:

— Сердечко мое, одѣвайся скорѣй, и ѣдемъ... ѣдемъ безъ протестовъ, колебаній и размыслиній, ѣдемъ...

— Постой, другъ мой, куда? зачѣмъ? Что такое случилось?

— Совершенно ничего не случилось, или вѣрно, самая обыкновенная исторія: ѣдемъ на тройкахъ въ Стрѣльну...

— Какъ, въ Стрѣльну?!

— Постой, не перебивай, — ѣдемъ на тройкахъ въ Стрѣльну, гдѣ тебѣ, мое сердечко, необходимо быть, во-первыхъ погуму, что нѣкоторые особы, — при послѣднемъ словѣ онъ замечательно подчеркнул и загадочно улыбнулся, — нѣкоторые особы заявили, что онъ безъ тебя не поладитъ... развѣ. Въ Стрѣльну ѣдутъ всѣ наши тузы и, конечно, тутъ немало перепадетъ крупницъ въ пользу твоихъ питомцевъ — переселенцевъ, а это возможно только при твоёмъ участіи, а ужъ я помогу, не сомнѣвайся. А переселенцы ждутъ крупницъ, охъ, какъ ждутъ! Ты знаешь, что завтра прибываетъ новая партия? Вотъ это будетъ два. Въ-третьихъ, мнѣ поручили, чтобы я не прѣзжалъ безъ тебя.

Пока Измаильченко говорилъ, Запорожский сосредоточенно смотрѣлъ въ одну точку и нервно теревилъ усы, не проронивъ ни одного слова.

— Ты что же, мое сердечко, лишился дара слова совсѣмъ или временно?

— Молчаніе.

— Послушай, сердечко, да языкъ то у тебѣ...

— Есть, есть языкъ, — заговорилъ Запорожский, — только вотъ что, другъ мой, я не поѣду...

— Какъ не поѣдешь?... Это что же, сердечко мое, выходитъ, значить, переселенцевъ и всѣхъ насъ по боку?

— Видишь ли, другъ мой, — говорилъ пресерьезно Запорожский, — у меня есть извѣстная традиція, которымъ я долженъ слѣдовать, какъ потомокъ знаменитаго гетмана; мой почтенный родитель и дѣдушка, и пра-дѣдушка, и прабабушка всегда начинали регулярно черезъ три мѣсяца...

— Ничего, серденько, не пойму: бабушки, дѣдушки... Чего начинали?

— Начинали... начинали *coup de that*.

— Да ты полно глупости говорить.

— Нѣтъ, это не только глупости, а даже остроумно; представь себѣ: прошло только двѣ недѣли, какъ, я можно сказать, съ ора болѣзнь поднялась и опять.

— Совсѣмъ, совсѣмъ неостроумно: ты воображаешь, что если ѣхать въ Стрѣльну, такъ нужно пить?

— Чудакъ ты, другъ мой, ты хочешь, я пошелъ въ воду и былъ бы сухой.

Измаильченко долго надрылся отъ смѣха, а потомъ, зная вѣрою правъ «сердечныи», началъ его самъ одѣвать, какъ маленькаго ребенка, и при этомъ жестоко упрекалъ и стыдилъ за его малодушіе, отъ котораго м-гло пострадать «переселенческое дѣло».

Запорожский ничего не возражалъ, только громко и тяжело вздыхалъ.

Спустя полчаса они спустились съ парадной лѣстницы губернаторскаго дворца.

Старый ливейеръ Калинычъ...

Но да проститъ мнѣ читатель за маленькое отступленіе: мнѣ необходимо сказать два слова именно о старыхъ слугахъ генерала. Дѣйствительно, у генерала были точно на подборъ всѣ прислуга — старики. Ехидные языки говорили, что генералъ, выбирая стариковъ умышленно, желалъ въ ихъ средѣ быть молодымъ... Впрочемъ, это, кажется, одно людское схиство.

Старый Калинычъ, увидя Запорожнаго и Измаильченко вмѣстѣ, въ душѣ поскорбѣлъ, что первый какъ бы, опять не запропастился, но въ то же время и ликовалъ: празднуя въ этотъ вечеръ свое тезоименитство, онъ будетъ вкушъ съ своими гостями на полной свободѣ: генералъ уѣзжаетъ въ гости, Запорожнаго нѣтъ...

Черезъ часъ друзья были въ Стрѣльнѣ.

Мы не будемъ подробно описывать, что произошло въ Стрѣльнѣ: во-первыхъ, это не интересно, а во-вторыхъ, произошла въ сущности самая обыкновенная исторія.

Около 12 ч. Запорожский со стаканомъ вина говорилъ въ многочисленномъ обществѣ рѣчь о чистомъ искусствѣ; около часу онъ кокетливымъ языкомъ принималъ участіе въ горячемъ спорѣ, касающемся того, къ какой именно націи каждый изъ присутствующихъ принадлежитъ; около 2 часовъ онъ, покачиваясь, «незамѣтно исчезъ», забывъ и пытанку Маньку, и венгерку Цирку, и переселенцевъ, и всѣхъ присутствующихъ.

Дѣйствительно, про него можно было бы смѣло сказать, что на этотъ разъ онъ «исчезъ», если бы онъ совершенно неожиданно не появился, не появился въ такомъ мѣстѣ и при такой обстановкѣ, и обстоятельствахъ, о которыхъ на другой же день заговорилъ цѣлый городъ.

Снѣжная буря попрежнему стонала, наметая цѣлыя горы снѣгу. По дорогѣ въ городъ мчалась тройка. Григорий Павловичъ время-отъ-времени открывалъ глаза, кричалъ «пшелъ!» и снова погружался въ дремоту. Вдругъ у самой заставы сани налетѣли на что-то, перевернулись на бокъ; тройка остановилась: Запорожский и кучеръ, который былъ въ одинаковыхъ градахъ съ первымъ, барахтались въ снѣгу. Вокругъ слышались брань, стоны, слезы, собачій лай и визгъ.

Запорожному кто-то помогъ выбраться изъ снѣга; его усадили въ сани и надъ самими его ушами вдругъ раздались жалобные крики:

— Спасите, погибаетъ!... замерзли... жена умираетъ!... Спасите, баринъ, будьте милостивы...

Запорожский дико озирался, но ничего не могъ понять что происходить вокругъ, что за люди около него и чего они требуютъ. Онъ напрягалъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы сознательно отнестись къ окружающему, но изъ этого ничего не выходило. Правда, были минуты, когда являлись смутные проблески сознанія что случилось какое то несчастье, что слѣдуетъ помочь, но буря, снѣгъ, мольбы, стоны, наконецъ ему слышались иностранными словами, — все это производило въ его головѣ невообразимую путаницу.

— Убирайтесь къ чорту... Пшелъ!... Убирайтесь... чего прятаете?... будетъ, довольно... Можетъ быть онъ еще долго бормоталъ, но въ этотъ моментъ въ его головѣ блеснула мысль, подъ влияніемъ которой проснулось сознаніе.

— Переселенцы?!

Въ отбиты слышались мольбы, стоны, визгъ... Запорожский опять закричалъ:

— Переселенцы?!

На минуту все смолкло, а потомъ кто-то жалобно заговорилъ:

— Спасите, спасите... жена... жена... умираетъ...

Затѣмъ надъ самымъ ухомъ Запорожнаго кто-то отчаянно кричалъ:

— Переселенцы, да, да переселенцы, переселенцы, мы переселенцы!...

Это было такое слово, которое подѣйствовало на Запорожнаго, какъ электрическій токъ.

— Переселенцы?!... Садись!... Садись всѣ сюда!... Качай! Шоло!... Садись!...

Григорий Павловичъ съ величайшимъ трудомъ поднялся и снова кричалъ: «Переселенцы, садись!...»

Наконецъ онъ, какъ спящий, повалился въ сани и чувствовалъ, что на него навалилось какое то живое существо, которое, обладая его теплымъ дыханіемъ, лизало ему лицо...

Рядомъ кто то говорилъ, стоналъ, визжалъ... Запорожский что то бормоталъ съ закрытыми глазами, для него снова наступила «тьма египетская».

Черезъ полчаса тройка остановилась у подъѣзда губернаторскаго дворца.

Первымъ вытащили изъ саней Запорожнаго. Онъ, хотя не твердой поступью, но шелъ безъ посторонней помощи и кокетливымъ языкомъ бормоталъ: «Переселенцы... переселенцы... пріемная... генералъ».

За нимъ двигались какія-то странныя фигуры, занесенныя снѣгомъ. Когда заспанный дежурный обратился къ Запорожному что дѣлать съ «этими» и гдѣ ихъ помѣститъ, то изъ отбиты послышались тѣ же слова: «Переселенцы пріемная... генералъ...»

Изъ этихъ словъ дежурный понялъ только одно, что по приказанію генерала и по распоряженію Запорожнаго пріѣзжихъ слѣдуетъ помѣстить въ пріемной, что онъ и одѣлалъ, ршивъ, что объ этомъ сейчасъ же доложить Калинычу. Первый хотѣлъ было обратиться за разъясненіями къ Запорожному, но тотъ, переступивъ порогъ пріемной, повалился на первый диванъ и не произнесъ ни единого звука.

Несмотря на то, что Калинычъ недавно только закончилъ торжественное празднованіе своего тезоименитства, но его всетаки удалось разбудить, хотя съ большими усиліями. Случая докладъ дежурнаго, Калинычъ долго и усиленно соображалъ, онъ даже мѣлѣ достаточно силъ и мужества, впрочемъ, съ помощью того же дежурнаго, накинуть пальто, обуться въ валенки и подняться въ пріемную. Скучно освѣщенная картина, представившаяся глазамъ Калиныча, изображала какую-то безформенную кучу, изъ которой порою слышались тихіе стоны, какіе то страшные звуки, напоминающіе собачье скучанье, сдержанны слезы и т. п.

Калинычъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, долго смотрѣлъ съ отупѣлымъ взоромъ на эту кучу, которая, по словамъ дежурнаго, должна была изображать «переселенцевъ», и произнесъ одно только слово:

— Ватага!...

Запорожнаго онъ все же узналъ; онъ даже приблизился къ дивану и дернулъ его нѣсколько разъ за рукавъ шубы, потомъ рѣшительно махнулъ рукою и произнесъ:

— Хуже меня!...

Смотря въ эту минуту на Калиныча, можно было бы заключить, что, несмотря на внезапное пробужденіе отъ сна, сѣдовавшаго за именнымъ торжествомъ, соображенія его наши реальную почву, словомъ, что онъ началъ «прозрѣвать». Онъ, спускался съ лѣстницы, даже буркнулъ что то вро-

дѣ того, что нужно доложить... но на послѣдней ступени неожиданно оступился и въ ту же минуту заснулъ.

На этомъ закончились всѣ соображенія Калиныча, не получивъ рѣшительно никакого практическаго осуществленія.

Генералъ сверхъ всякаго обыкновенія пріѣхалъ поздно и, конечно, остался въ неутѣнѣ относительно того, что происходило въ пріемной, во-первыхъ, потому, что пріѣхалъ въ другой подъѣздъ, а во-вторыхъ, какъ до-брался до постели, такъ и уснулъ сномъ праведника; этому примѣру послѣдовалъ его камердинеръ Евстратичъ, голова котораго была полна еще угара, полученнаго на имениномъ торжествѣ.

Все стихло и замерло въ губернаторскомъ дворцѣ, только въ пріемной, гдѣ напала себѣ временный пріютъ «переселенцы» и Запорожский, изрѣдка слышались храпъ, сдержанный разговоръ, стоны, чьи-то глухія рыданія, собачье ворчанье, за которыми слѣдовали энергичные «цыцъ» и не менѣе энергичные шепанки, а затѣмъ все стихало, хотя ненадолго. А снѣжная буря какъ будто еще сильнѣй разыгралась, — то жалобно выла въ трубахъ, то стучалась въ окна, кидала въ нихъ цѣлыя снопы снѣга.

Было четыре часа утра.

Въ губернаторской пріемной усиленное движеніе, суматоха, сдержанный разговоръ, слышались какіе то скорбные голоса, полные не то отчаянія, не то страха.

Старый Калинычъ кружился по пріемной, какъ угорѣлый, съ глазами, полными кровью, махалъ руками, дѣлалъ какіе то угрожающіе жесты шепталъ какую то молитву и въ то же время извергалъ цѣлыя потоки всевозможныхъ проклятій и ругательствъ по адресу «переселенцевъ». Наконецъ, онъ, подбѣжавъ къ дивану, гдѣ лежалъ Запорожский и забывъ всякое чинопочитаніе и уваженіе, которое питалъ къ послѣднему, сталъ безцеремонно дергать его, толкать.

— Ваше-бродіе, вставайте скорѣе вставайте!...

Богатырскій храпъ Запорожнаго приводилъ Калиныча въ отчаяніе.

— Ваше-бродіе, вставайте, бѣда приключилась!... скорѣе!... Господи милостивый, что же это будетъ, — пропали наши головешки!...

Калинычъ безнадежно развелъ руками и, бросившись въ его комнату, возвратился оттуда черезъ минуту, неся мохровое полотенце, которымъ началъ усиленно тереть лицо и голову Запорожнаго.

— Ваше-бродіе, очнитесь!... снова заговорилъ сквозь слезы Калинычъ, — какіхъ вы переселенцевъ привезли?!... вѣдь пропадемъ, всѣ пропадемъ!... Катора!

Григорий Павловичъ систематически продѣлалъ все, что свойственно продѣлывать людямъ, которыхъ стараются въ его положеніи разбудить преждевременно: онъ открывалъ глаза, потомъ опять закрывалъ, бормоталъ, ругался и т. д. Наконецъ Калинычу удалось его совсѣмъ разбудить.

— Пропали, ваше-бродіе, совсѣмъ пропали!... Вѣдь за докторомъ послали, за акушеркой!...

— За акушеркой? переспросилъ Запорожский, — дико озирался кругомъ. Ахъ, чортъ!... пшелъ!...

— Да вы только посмотрите!...

— Ваше-бродіе, а вы посмотрите что кругомъ то дѣлается!...

— Акушерка?... Пошелъ къ чорту!... Пшелъ!...

— Да вы только посмотрите!...

И Запорожский дѣйствительно началъ сморѣть!... Картина, представившаяся его глазамъ, поразила его до такой степени, что онъ быстро поднялся на ноги и долго какимъ то растеряннымъ взглядомъ смотрѣлъ, стараясь разрѣшить вопросы, мало-по-малу зарождавшіеся въ его головѣ: гдѣ онъ, какимъ обра-

зомъ онъ попалъ сюда и т. д. Что произошло вокругъ, онъ не отдавалъ себѣ никакого отчета, какъ не отдавалъ отчета въ томъ, что онъ во снѣ или въ яву. Однако, зная, что онъ не напрягалъ свой умъ, ни одного изъ этихъ вопросовъ не раздумывалъ, а только совершенно понаслышкѣ, что передъ его глазами картина такая, невообразимая, ужасная, страшная, что второй сдѣлать бытъ бы не-мудрымъ!...

Но въ эту рѣшительную минуту силы его оставили и онъ снова повалился на диванъ.

Калинычъ долго стоялъ, не двигаясь съ мѣста, растерянный, убитый, а потомъ вдругъ неожиданно горько, горько заплакалъ.

Генералъ вставалъ рано, часовъ въ 6, несмотря на то, когда онъ легъ накануне.

Изъ генеральской спальни раздались звуки. Камердинеръ, который уже давно зналъ, что творится въ пріемной, какъ только переступилъ порогъ, вмѣсто того, чтобы приступить къ обычнымъ маневрамъ, требующимъ его профессіи, повалился генералу въ ноги.

Генералъ даже отшатнулся отъ неожиданности.

— Что ты?... заговори! онъ дрогнувшимъ голосомъ, — несчастіе какое случилось?!

— Простите, ваше пр-во, ради истиннаго Бога... не погубите... трагическія дѣла!...

— Да ты говори толкомъ, что такое случилось?!

— Не могу ваше пр-во... безсмысленно говорю, оны, слышу рыданья, — не могу... сами изволите посмотреть!...

— Да что, гдѣ посмотрѣть?!

— Въ пріемной зашѣ, ваше пр-во... въ пріемной... ихъ высокобродіе господамъ Запорожскимъ привезъ!... Тридцать лѣтъ службу, а такого не видалъ!...

— Да кого же привезъ Запорожский, что ты мелешь?!

— Не могу... ваше пр-во... Посел... поселен... поселен!...

— Переселенцы, ты говоришь?

— Нѣтъ, ваше пр-во, уже переселенцевъ!... Не могу, сами изволите!...

— Тыфу, старый дуракъ!

Генералъ послѣднее одѣлся подъ аккомпаниментъ сдержанныхъ всхлипываний камердинера, и послѣднее вышелъ изъ пріемной.

Картина, представившаяся глазамъ генерала, едва-ли кто въ состояніи описать такъ живо, такъ образно, какъ она существовала въ дѣйствительности, и моему слабому перу приходится и то съ большимъ рискомъ по-пробовать.

И я попробую перенести картину не на полотно, а на бумагу, писать не художественно кистью, а самымъ прозаическимъ перомъ!...

Среди пріемной на полулиныхъ и затасканныхъ коврахъ и одѣлахъ, разосланныхъ на полу, лежала молодая и красивая женщина, возлѣ которой суетился акушеръ, сутанъ въ какин-то лохмотьяхъ крошечное живое существо, видимо, только что появившееся на свѣтъ Божій. Тутъ же стоялъ представитель «переселенцевъ», — какую роль ему совершенно непрозвонно пришлось играть въ минуту роковой вѣстрии съ Запорожскимъ; это былъ мужчина лѣтъ 35, съ жалкимъ рѣдкимъ видомъ, одѣтый въ характерный костюмъ странствующаго акробата, какіхъ онъ и былъ въ дѣйствительности, красной куртки, узкихъ панталонахъ, башмакахъ и т. д.

На кучѣ разнаго тряпья важно возсѣдалъ громадный сѣвъ-барнаръ Францъ и, помахивая недоумѣло кругомъ своими добродушными глазами, какъ будто хотѣлъ спросить: куда мы попали и что съ нами будетъ? Попугай, фигурой своей напоминавшій мотрицу курицу, сидѣлъ смиреннѣе въ открытой

зонтъ онъ понасъ сюда и т. д. Что произошло вокругъ, онъ не отдавалъ себѣ никакого отчета, какъ не отдавалъ отчета въ томъ, что онъ во снѣ или въ яву. Однако, зная, что онъ не напрягалъ свой умъ, ни одного изъ этихъ вопросовъ не раздумывалъ, а только совершенно понаслышкѣ, что передъ его глазами картина такая, невообразимая, ужасная, страшная, что второй сдѣлать бытъ бы не-мудрымъ!...

Но въ эту рѣшительную минуту силы его оставили и онъ снова повалился на диванъ.

Калинычъ долго стоялъ, не двигаясь съ мѣста, растерянный, убитый, а потомъ вдругъ неожиданно горько, горько заплакалъ.

Генералъ вставалъ рано, часовъ въ 6, несмотря на то, когда онъ легъ накануне.

Изъ генеральской спальни раздались звуки. Камердинеръ, который уже давно зналъ, что творится въ пріемной, какъ только переступилъ порогъ, вмѣсто того, чтобы приступить къ обычнымъ маневрамъ, требующимъ его профессіи, повалился генералу въ ноги.

Генералъ даже отшатнулся отъ неожиданности.

— Что ты?... заговори! онъ дрогнувшимъ голосомъ, — несчастіе какое случилось?!

— Простите, ваше пр-во, ради истиннаго Бога... не погубите... трагическія дѣла!...

— Да ты говори толкомъ, что такое случилось?!

— Не могу ваше пр-во... безсмысленно говорю, оны, слышу рыданья, — не могу... сами изволите посмотреть!...

— Да что, гдѣ посмотрѣть?!

— Въ пріемной зашѣ, ваше пр-во... въ пріемной... ихъ высокобродіе господамъ Запорожскимъ привезъ!... Тридцать лѣтъ службу, а такого не видалъ!...

— Да кого же привезъ Запорожский, что ты мелешь?!

— Не могу... ваше пр-во... Посел... поселен... поселен!...

— Переселенцы, ты говоришь?

— Нѣтъ, ваше пр-во, уже переселенцевъ!... Не могу, сами изволите!...

— Тыфу, старый дуракъ!

Генералъ послѣднее одѣлся подъ аккомпаниментъ сдержанныхъ

радъ и счастливъ. Но съ теченіемъ

Всѣ другія елки были давно уже распро-
даны и въ сумракъ святого вечера блестящи
своими яркими огнями черезъ зеркальныя
окна дворцовъ и тусклыми стеклами хижинъ.

В то самое время наверху, на небесном
мосту, стоял ребенок и сь светлой радостью

ла во сну, она чувствовала как угнетен
и спокойствие вливаются в ее душу, и
да бы она ни видела ее дрожащий с
быть может, сквозь свои слезы, она все
и счастливо говорила:

(Рождественскій разсказъ).

ской мудростью. Хочу звать тайны лю- бы.

и плакать, все это телеграфный
эти вѣсти дальше изъ сгачи въ
изъ дома въ домъ. Въ началѣ онъ
радъ и счастливъ. Но съ теченіемъ

Всё другие елки были давно уже распро-
даны и в сумрак святого вечера блеснули
своими яркими огнями через зеркальные
окна дворцов и тусклые стекла хижин.

Въ то самое время наверху, на небесномъ
мугу, стоялъ ребенокъ и съ светлою радостью

она после тяжелой дневной работы отхо-
ла ко сну, но чувствовала как утешен-
и спокойствие вливаются в ее душу, и ка-
да бы она ни видела ее дрожащий сль-
быть может, сквозь свои слезы, она все-
и счастливо говорила:

— Это звезда моего ребенка!

Ангелы же наверху въ райском саду тихо склонили свои големы предъ атмъ въновь зеленымъ деревомъ, съ вершины котораго на мрачную землю бросала свой свѣтъ самая блестящая звезда!

Звѣзда материнской любви!

Перев. Н. Д.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

Изъ морскихъ разсказовъ К. М. Станюковича.

Волшебная тропическая ночь, вѣдѣ за закатомъ солнца, почти внезапно опустилась надъ Батавию и, благодаря вѣтру, душевному съ моря, дышала иѣжной прохладою, казавшейся такимъ счастьемъ послѣ палящаго зноя дня. Маршадъ звѣздъ заглянулъ на небѣ, и луна, круглая и полная, лила свой серебристый свѣтъ съ высоты бархатисто-темнаго купола и, медленно плыла, казалась задумчивой и томной.

Въ эту чудную ночь, наканунѣ Рождества Христова, бѣлый катеръ съ клипера «Забіяка», стоящаго персть за шесть, за семь на рейдѣ, — дождался у одной изъ приставей нижней части города господъ офицеровъ, бывшихъ на берегу.

Эта нижняя, «дѣловая» часть города съ конторами, пакадами, лавками, складами и тѣсно скученными домами, исключительно населенная туземцами — малайцами и метисами, да пришлыми китайцами, ютились почти у самого моря, кишачаго акулами и кайманами, въ вѣзоровой, сырѣй и болотистой мѣстности. Настоящие хозяева острова Явы, голландцы жили наверху, на горѣ, въ европейской Батави, роскошномъ, чистомъ городкѣ издѣльных домовъ, виллъ и гостиницъ, тоушемъ изъ густой зелени садовъ и зарковъ, въ которыхъ высились гигантскія пальмы. Оттуда съ равней зари дѣловые люди спускались въ малайскій кварталъ и въ десять часовъ утра уже возвращались домой въ свои прохладные дома. Адская жара заставляла прекращать занятіа, возобновлявшіеся снова за нѣсколькими часами до заката и оканчивающіеся часами въ десять вечера.

Оживленная и шумная днемъ жизнь въ малайскомъ кварталѣ затихла. Огоньки въ малайскихъ домахъ потухли, и узкія гризныи, прорѣзанная смертоносными каналами, лица нижней части города опустѣли. Даже не видно было шныряющихъ у пристани ночныхъ темнокожихъ фей-малаекъ, чтобы смущать матросовъ всевозможныхъ національностей, лавно не бывавшихъ на берегу, и своимъ болѣе чѣмъ откровеннымъ народомъ и паразитическими пантомимами, и острыми, неприятными запахами кокосоваго масла, которыми малайки расточительно пользуются, смазывая имъ и волосы, руки, и шею. Пусто вѣзѣ. Иредка лишь мелькнетъ громадный бумажный фонарь запоздалаго разносчика всякихъ товаровъ, китайца — этого еврея почти всего восточнаго, возвращающагося изъ верхняго города, отъ варваровъ, къ себѣ домой на отдушну.

Гдѣ-то вблизи на рейдѣ, на какомъ-то судѣ пробило шесть склянокъ — однанадцать часовъ. Туземецъ спитъ. У пристани и далеко кругомъ стоитъ мертвая тишина съ однообразнымъ шопотомъ морского прибоя, который иѣжно лижетъ береговую вязкую песочъ. Только по временамъ эта торжественная, полная какой-то таинственности, тишина тропической ночи нарушается вдругъ шумными всплесками: крокодилъ, послѣ дневного

крѣпкого сна на отмеляхъ подъ отѣнными лучами солнца, заблывается въ водѣ, ловя добычу.

И снова тишина. Русскіе матросы съ «Забіяки», катерные гребцы, въ ожиданіи господъ, падали на вѣхъ въ катерѣ. Луны свѣтъ падалъ на ихъ бѣлые рубашки и захватывалъ нѣкоторые лица. Нѣсколько человекъ, растяннувшись подъ банками, сладко спали. Одинъ чернышъ молодой матросикъ задумчиво и какъ-то вопросительно поглядывалъ то на мерцающіи звѣзды, то на сверкающую серебромъ полосу моря и нѣмнѣ думалъ какую-то задачу, куда по его напряженно строгому лицу. По временамъ, когда раздавались всплески, онъ издрагивалъ и пугливо озирался на товарищей. А человекъ шесть или семь собралось около кормы и, разсѣвшись по бортамъ на сидѣньяхъ, вели бесѣду какъ-то особенно тихо, почти шопотомъ, словно бы боясь нарушить тишину этой волшебной ночи и точно нѣсколько пугались ея жуткой таинственности. Дымкомъ нѣсколькихъ курящихся трубочекъ съ острымъ запахомъ махорки прѣчно шекоталъ обонаніе бѣлѣющихъ гребцовъ.

Кромѣ русскаго катера у пристани не было ни одной шлюпки.

Матросы вспоминали о Россіи, о праздникахъ, на родинѣ, высказывали желаніе поскорѣй вернуться домой, особенно тѣ, которые по возвращеніи рассчитывали на отставку или, по крайней мѣрѣ, на безсрочный отпускъ. Въ эту третью Рождество они встрѣчаютъ въ «чужихъ» и «жаркихъ» мѣстахъ... Опротивило... Скорѣй бы вернуться! И, несмотря на жизнь, хотя полную опасностей, по все-таки относительно спокойную (на клиперѣ и командирѣ, и офицеры были люди порядочные и матросовъ не тѣснили) и ситую, каждая изъ матросовъ тянуло туда, на сѣверъ, на далекую родину съ ея бѣдами и нуждой, съ покосившимися избами, соснами и елями, сѣнгомъ и морозами.

Послѣ этихъ воспоминаній всѣ какъ то притихли. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Гляди... Звѣзда упала... Еще... И куда она падаетъ, братцы? — тихо спросилъ чернышъ матросъ.

— Въ окіанъ, извѣстно. Опрічь окіана ей некуда упасть! — отвѣчалъ пожилой здоровый матросъ уфреннымъ тономъ.

— А ежели на землю? — спросилъ кто-то. — Нелзя, потому все какъ есть расшибетъ. По самой этой причинѣ Богъ и валитъ звѣзду въ море... Туда, молъ, тебѣ мѣсто...

Чернышъ матросикъ, видимо неудовлетворенный этимъ объясненіемъ, снова сталъ глядѣть на небо.

И необыкновенно пріятный грудной голосъ заграблго Ефремова заговорилъ:

— Это Бѣгъ виноватую звѣзду паказываетъ... Потому звѣзды тоже бунтуютъ... И особенно много, братцы, падаетъ ихъ въ эту ночь...

— Но какой такой причинѣ, братецъ? — заодно спросилъ пожилой, плотный матросъ.

— А по такой причинѣ, милый человекъ, что въ эту ночь не бунтуй, а веди себя смирно, потому какъ въ эту самую ночь Спасатель родился... Великая эта ночь... Нашему раскуку и не понять... И какъ ежели подумаешь, что родился Онъ въ бѣдности, пострадалъ за безолиныхъ людей и принялъ смерть на крестѣ, такъ напѣ-то всѣмъ горя ничего не стоятъ... Ни одной полудушки!.. Да, братцы, великая эта ночь... И кто въ эту ночь обидитъ младенца, — тому великое будетъ наказанье... Такъ старикъ одинъ божественный мѣмъ сказывалъ, стран-

никъ. Въ книгахъ, говоритъ, все показано.

— Ишь ты подли!.. Такъ и мутитъ по-дѣ! — проговорилъ кто-то, когда посмѣлся поблизи испасекъ поды...

— Нешто крокодилъ?

— Кому другому... Гляди — башка его падъ водой...

Всѣ глаза устремились на одну точку. На осплщенной свѣтомъ луны полѣхъ поды видна была отпратившаго черная голова каймана, тихо плыващаго неподалеку отъ шлюпки къ берегу.

— Погань-то нежной въ этихъ мѣстахъ!..

И крокодилъ, въ лѣсахъ и тигра... Однѣмъ, на берегу, въ лѣсахъ и тигра... Однако, загугали что-то наши офицеры на берегу, братцы... Скоро и полночь... А ты, Жинковъ, что все на небо глаза палишь? Ай, любопытно? Не про насъ, братъ, напѣ-сано! — проговорилъ, обращаясь къ чернышъ матросу, пожилой, плотный матросъ.

Въ эту минуту съ берега вдругъ лонесся чей-то жалобный крикъ.

Матросы притихли. Кто-то сказалъ:

— А вѣдъ это дитѣ плачетъ...

— Дитѣ и е... По близости гдѣ-то...

Ишь, горемычъ! заливается... Заплуталъ что-ли...

— Кто-нибудь при немъ долженъ быть.

Жалобный, безпомощный плачь не прекращался.

— Сходилъ бы кто посмотреть, что-ли? — замѣтилъ плотный, пожилой матросъ, не двигаясь однако самъ съ мѣста.

— Куда ходить? Офицеры могутъ вернуться, а гребца нѣтъ! — строго проговорилъ унтеръ-офицеръ, старшина на катерѣ.

— И ты правд! — сказалъ плотный матросъ.

— Чтожъ, такъ и бросить безъ призора младенца въ такую-то ночь? — раздался пріятный тенорокъ заграблго Ефремова. — А ежели онъ одинъ да безъ помощей?.. Это, Егорычъ, не того... неправильно...

— Я мнѣмъ вернусь, Андрей Егорычъ, только взгляну въ чѣмъ причина! — изволавно проговорилъ чернышъ матросикъ...

Дозвольте...

— Ну, ступай... Только смотри, Жинковъ, не забудь...

— И я съ имъ, Егорычъ! — вымолвилъ Ефремовъ.

И оба матроса, выскочивъ изъ катера, бѣгомъ побѣжали по пустыному берегу на плачь ребенка...

И очень скоро, почти у самого моря, они увидели крошечнаго черномазаго мальчика въ одной рубашкѣ, завязаннаго въ мокромъ рыхломъ пекѣ.

Около не было ни души.

Матросы удивленно переглянулись.

— Эка идоли!.. Эка безчувственные!..

Бросили ребенка... Это, братъ Жинковъ, не просто... Погубитъ хотѣли младенца... Тутъ бы его крокодилъ и сожралъ!.. Гляди... Ишь плачетъ... Почуялъ, видно...

И Ефремовъ взялъ на руки ребенка.

— А что же мы съ нимъ будемъ дѣлать?

— Что дѣлать?.. Возьмемъ на катеръ...

Тамъ видно будетъ!.. Ну ты, мальчъ, не реви! — ласково говорилъ Ефремовъ, прижимая ребенка къ своей груди. Это самъ Господь тебя вызволилъ...

Велико было изумленіе на катерѣ, когда минутъ черезъ десять вернулись оба матроса съ плачущимъ ребенкомъ на рукахъ и рассказали, какъ его нашли.

Унтеръ-офицеръ не зная, какъ ему и быть.

— Зачѣмъ вы его принесли? — строго спрашивалъ онъ, хотя самъ въ душѣ и понималъ, что нельзя же было оставить ребенка.

— Тотъ принесли! И ты бы принес! — мягко и весело отвѣчалъ Ефремовъ. — Ребѣн-ка, нѣтъ ли у кого хлѣба?.. Онъ, можъ, голоденъ?..

Всѣ матросы смотрѣли съ жалостью на мальчика лѣтъ пяти. У кого-то въ карманѣ нашелся кусокъ хлѣба, и Ефремовъ сунулъ его мальчѣнку въ ротъ. Тотъ жадно сталъ жевать.

— Голоденъ и есть... Ишь вѣдъ злодѣи бьются люди!..

— А все-таки, ребята, насъ за этого мальчѣнка не похвалятъ! Ишь пассажиръ объявился какой! — снова замѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Тамъ видно будетъ... Спокойно и уфренно отвѣчалъ Ефремовъ... — Можеть, и похвалятъ!

Ребенокъ скоро заснулъ на рукахъ у Ефремова. Онъ прикрылъ его чехломъ отъ парусовъ. И его прекрасное, бѣлобрысое, далеко не молодое лицо свѣтилось необыкновенной иѣжностью.

Скоро прѣхали съ берега въ двухъ ко-ляскахъ офицеры. Веселые и слегка подвыпившіе, они усѣлись за катеръ.

— Отваливай!

— Ваше благородіе, — проговорилъ старшина, обращаясь къ старшему изъ находившихся на катерѣ офицеровъ, — осмѣлюсь доложить, что на катеръ взятъ съ берега пассажиръ...

— Какой пассажиръ?

— Малайскій, значитъ, мальчѣнка... Такъ какъ прикажете, ваше благородіе?..

— Какой мальчѣнка? Гдѣ онъ?

— А вотъ спитъ подъ банкой у Ефремова, ваше благородіе...

И унтеръ-офицеръ объяснилъ, какъ нашли мальчѣнку.

— Ну что-жъ?.. Пусть ѣдетъ съ нами... Фокъ и гротъ поднять! — командовалъ лейтенантъ.

Паруса были поставлены, и шлюпка ходко пошла въ полѣтра на клиперъ.

Ефремовъ уложилъ найденнаго въ свою койку и почти не спавъ до утра, поминуто подхотъ къ нему и заглядывая, Хорошо ли онъ спитъ.

На утро доложили о происшествіи капитану, и онъ разрѣшилъ оставить мальчѣнка на клиперѣ, пока клиперъ простоятъ въ Батави. Въ то же время онъ далъ знать о ребенкѣ губернатору, и маленькаго малайца объявили помѣстити въ пріютъ.

Недѣлю прожилъ маленькій найденнышъ на клиперѣ, и Ефремовъ нѣстовалъ его съ иѣжностью матери. Мальчику спили цѣлый костюмъ и обуви. И когда наканунѣ ухода полицейскій чиновникъ прѣхалъ за мальчикомъ, матросы черезъ бодмана просили старшаго офицера испросить у капитана разрѣшеніе оставить найденнаго на клиперѣ.

И Ефремовъ, успѣвшій за это время привязаться къ мальчику, ждалъ капитанскаго отвѣта съ тревожнымъ нетерпѣніемъ.

Капитанъ не согласился.

Долго потомъ Ефремовъ вспоминалъ рождественскую ночь и этого чуть-было не погибшаго мальчѣнка, успѣшаго найти уголокъ въ его сердцѣ.

— Тотъ принесли! И ты бы принес! — мягко и весело отвѣчалъ Ефремовъ. — Ребѣн-ка, нѣтъ ли у кого хлѣба?.. Онъ, можъ, голоденъ?..

Всѣ матросы смотрѣли съ жалостью на мальчика лѣтъ пяти. У кого-то въ карманѣ нашелся кусокъ хлѣба, и Ефремовъ сунулъ его мальчѣнку въ ротъ. Тотъ жадно сталъ жевать.

— Голоденъ и есть... Ишь вѣдъ злодѣи бьются люди!..

— А все-таки, ребята, насъ за этого мальчѣнка не похвалятъ! Ишь пассажиръ объявился какой! — снова замѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Тамъ видно будетъ... Спокойно и уфренно отвѣчалъ Ефремовъ... — Можеть, и похвалятъ!

Ребенокъ скоро заснулъ на рукахъ у Ефремова. Онъ прикрылъ его чехломъ отъ парусовъ. И его прекрасное, бѣлобрысое, далеко не молодое лицо свѣтилось необыкновенной иѣжностью.

Скоро прѣхали съ берега въ двухъ ко-ляскахъ офицеры. Веселые и слегка подвыпившіе, они усѣлись за катеръ.

— Отваливай!

— Ваше благородіе, — проговорилъ старшина, обращаясь къ старшему изъ находившихся на катерѣ офицеровъ, — осмѣлюсь доложить, что на катеръ взятъ съ берега пассажиръ...

— Какой пассажиръ?

— Малайскій, значитъ, мальчѣнка... Такъ какъ прикажете, ваше благородіе?..

— Какой мальчѣнка? Гдѣ онъ?

— А вотъ спитъ подъ банкой у Ефремова, ваше благородіе...

И унтеръ-офицеръ объяснилъ, какъ нашли мальчѣнку.

— Ну что-жъ?.. Пусть ѣдетъ съ нами... Фокъ и гротъ поднять! — командовалъ лейтенантъ.

Паруса были поставлены, и шлюпка ходко пошла въ полѣтра на клиперъ.

Ефремовъ уложилъ найденнаго въ свою койку и почти не спавъ до утра, поминуто подхотъ къ нему и заглядывая, Хорошо ли онъ спитъ.

На утро доложили о происшествіи капитану, и онъ разрѣшилъ оставить мальчѣнка на клиперѣ, пока клиперъ простоятъ въ Батави. Въ то же время онъ далъ знать о ребенкѣ губернатору, и маленькаго малайца объявили помѣстити въ пріютъ.

Недѣлю прожилъ маленькій найденнышъ на клиперѣ, и Ефремовъ нѣстовалъ его съ иѣжностью матери. Мальчику спили цѣлый костюмъ и обуви. И когда наканунѣ ухода полицейскій чиновникъ прѣхалъ за мальчикомъ, матросы черезъ бодмана просили старшаго офицера испросить у капитана разрѣшеніе оставить найденнаго на клиперѣ.

И Ефремовъ, успѣвшій за это время привязаться къ мальчику, ждалъ капитанскаго отвѣта съ тревожнымъ нетерпѣніемъ.

Капитанъ не согласился.

Долго потомъ Ефремовъ вспоминалъ рождественскую ночь и этого чуть-было не погибшаго мальчѣнка, успѣшаго найти уголокъ въ его сердцѣ.

— Тотъ принесли! И ты бы принес! — мягко и весело отвѣчалъ Ефремовъ. — Ребѣн-ка, нѣтъ ли у кого хлѣба?.. Онъ, можъ, голоденъ?..

Всѣ матросы смотрѣли съ жалостью на мальчика лѣтъ пяти. У кого-то въ карманѣ нашелся кусокъ хлѣба, и Ефремовъ сунулъ его мальчѣнку въ ротъ. Тотъ жадно сталъ жевать.

— Голоденъ и есть... Ишь вѣдъ злодѣи бьются люди!..

— А все-таки, ребята, насъ за этого мальчѣнка не похвалятъ! Ишь пассажиръ объявился какой! — снова замѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Тамъ видно будетъ... Спокойно и уфренно отвѣчалъ Ефремовъ... — Можеть, и похвалятъ!

Ребенокъ скоро заснулъ на рукахъ у Ефремова. Онъ прикрылъ его чехломъ отъ парусовъ. И его прекрасное, бѣлобрысое, далеко не молодое лицо свѣтилось необыкновенной иѣжностью.

Скоро прѣхали съ берега въ двухъ ко-ляскахъ офицеры. Веселые и слегка подвыпившіе, они усѣлись за катеръ.

— Отваливай!

— Ваше благородіе, — проговорилъ старшина, обращаясь къ старшему изъ находившихся на катерѣ офицеровъ, — осмѣлюсь доложить, что на катеръ взятъ съ берега пассажиръ...

— Какой пассажиръ?

— Малайскій, значитъ, мальчѣнка... Такъ какъ прикажете, ваше благородіе?..

— Какой мальчѣнка? Гдѣ онъ?

— А вотъ спитъ подъ банкой у Ефремова, ваше благородіе...

И унтеръ-офицеръ объяснилъ, какъ нашли мальчѣнку.

— Ну что-жъ?.. Пусть ѣдетъ съ нами... Фокъ и гротъ поднять! — командовалъ лейтенантъ.

Паруса были поставлены, и шлюпка ходко пошла въ полѣтра на клиперъ.

Ефремовъ уложилъ найденнаго въ свою койку и почти не спавъ до утра, поминуто подхотъ къ нему и заглядывая, Хорошо ли онъ спитъ.

На утро доложили о происшествіи капитану, и онъ разрѣшилъ оставить мальчѣнка на клиперѣ, пока клиперъ простоятъ въ Батави. Въ то же время онъ далъ знать о ребенкѣ губернатору, и маленькаго малайца объявили помѣстити въ пріютъ.

Недѣлю прожилъ маленькій найденнышъ на клиперѣ, и Ефремовъ нѣстовалъ его съ иѣжностью матери. Мальчику спили цѣлый костюмъ и обуви. И когда наканунѣ ухода полицейскій чиновникъ прѣхалъ за мальчикомъ, матросы черезъ бодмана просили старшаго офицера испросить у капитана разрѣшеніе оставить найденнаго на клиперѣ.

И Ефремовъ, успѣвшій за это время привязаться къ мальчику, ждалъ капитанскаго отвѣта съ тревожнымъ нетерпѣніемъ.

Капитанъ не согласился.

Долго потомъ Ефремовъ вспоминалъ рождественскую ночь и этого чуть-было не погибшаго мальчѣнка, успѣшаго найти уголокъ въ его сердцѣ.

— Тотъ принесли! И ты бы принес! — мягко и весело отвѣчалъ Ефремовъ. — Ребѣн-ка, нѣтъ ли у кого хлѣба?.. Онъ, можъ, голоденъ?..

Всѣ матросы смотрѣли съ жалостью на мальчика лѣтъ пяти. У кого-то въ карманѣ нашелся кусокъ хлѣба, и Ефремовъ сунулъ его мальчѣнку въ ротъ. Тотъ жадно сталъ жевать.

— Голоденъ и есть... Ишь вѣдъ злодѣи бьются люди!..

— А все-таки, ребята, насъ за этого мальчѣнка не похвалятъ! Ишь пассажиръ объявился какой! — снова замѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Тамъ видно будетъ... Спокойно и уфренно отвѣчалъ Ефремовъ... — Можеть, и похвалятъ!

Ребенокъ скоро заснулъ на рукахъ у Ефремова. Онъ прикрылъ его чехломъ отъ парусовъ. И его прекрасное, бѣлобрысое, далеко не молодое лицо свѣтилось необыкновенной иѣжностью.

Скоро прѣхали съ берега въ двухъ ко-ляскахъ офицеры. Веселые и слегка подвыпившіе, они усѣлись за катеръ.

— Отваливай!

— Ваше благородіе, — проговорилъ старшина, обращаясь къ старшему изъ находившихся на катерѣ офицеровъ, — осмѣлюсь доложить, что на катеръ взятъ съ берега пассажиръ...

— Какой пассажиръ?

— Малайскій, значитъ, мальчѣнка... Такъ какъ прикажете, ваше благородіе?..

— Какой мальчѣнка? Гдѣ онъ?

— А вотъ спитъ подъ банкой у Ефремова, ваше благородіе...

И унтеръ-офицеръ объяснилъ, какъ нашли мальчѣнку.

— Ну что-жъ?.. Пусть ѣдетъ съ нами... Фокъ и гротъ поднять! — командовалъ лейтенантъ.

Паруса были поставлены, и шлюпка ходко пошла въ полѣтра на клиперъ.

Ефремовъ уложилъ найденнаго въ свою койку и почти не спавъ до утра, поминуто подхотъ къ нему и заглядывая, Хорошо ли онъ спитъ.

На утро доложили о происшествіи капитану, и онъ разрѣшилъ оставить мальчѣнка на клиперѣ, пока клиперъ простоятъ въ Батави. Въ то же время онъ далъ знать о ребенкѣ губернатору, и маленькаго малайца объявили помѣстити въ пріютъ.

Недѣлю прожилъ маленькій найденнышъ на клиперѣ, и Ефремовъ нѣстовалъ его съ иѣжностью матери. Мальчику спили цѣлый костюмъ и обуви. И когда наканунѣ ухода полицейскій чиновникъ прѣхалъ за мальчикомъ, матросы черезъ бодмана просили старшаго офицера испросить у капитана разрѣшеніе оставить найденнаго на клиперѣ.

И Ефремовъ, успѣвшій за это время привязаться къ мальчику, ждалъ капитанскаго отвѣта съ тревожнымъ нетерпѣніемъ.

Капитанъ не согласился.

Долго потомъ Ефремовъ вспоминалъ рождественскую ночь и этого чуть-было не погибшаго мальчѣнка, успѣшаго найти уголокъ въ его сердцѣ.

— Тотъ принес

художественный музей общества, устроена библиотека, мастерскіе, упорядочено материальное положение общества. За труды по развитию общества Д. В. пожалован был членом обществу Д. В. пожизненно членом общества Д. В. действительного члена и пожизненной пенсией.

Въ началѣ 80-тыхъ годовъ Д. В. перешелъ въ литературу. Въ это время появились его рассказы „Путешествіе мальчишки“, поэма „Акробаты благотворительности“, въ которыхъ Д. В. подмѣтилъ типичные черты представителей столичной благотворительности, стремившихся ко всякому „служению ближнему“, построивъ свое благополучіе и сдѣлавъ себѣ карьеру. Впоследствии эта повѣсть была передѣлана самимъ Д. В. въ комедію „Замышленные люди“, шедшую на сценѣ.

Д. В. работалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Изъ этого послѣдняго періода его дѣятельности отбѣили его труды, какъ представителя театрално-литературнаго комитета и затѣмъ какъ заведующаго художественно-промышленнымъ отдѣломъ всероссійской выставки 1896 году въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ которомъ, между прочимъ, присутствовалъ при открытіи городского художественнаго и историческаго музея 24 іюня того же года.

Зимой 1897 года Д. В. серьезно захворалъ въ Ниццѣ, но сильная природа взяла перхъ надъ недугомъ, однако не на долго. Смертельная болѣзнь вдругъ застигла маститаго писателя, и онъ тихо скончался 22 декабря въ забыты, послѣ кратковременныхъ страданій.

Въ лицѣ Д. В. Григоровича, отечественная литература потеряла одного изъ выдающихся представителей, внесшаго крупный вкладъ въ ея сокровищницу. Имя автора „Антоня Горемыки“ будетъ неразрывно связано съ памятью великихъ сполннжниковъ Д. В. Григоровича—Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, атакъ яркихъ свѣточей русской литературы.

Почти жъ память писателя, не зарывшаго въ землю своего таланта, а сдѣлавшаго изъ него самое лучшее, самое святое употребленіе, какое только можно для человека: онъ сослужилъ имъ великую службу своей родинѣ, а въ ней—наиболѣе обездоленнымъ, послѣднимъ изъ обездоленныхъ ихъ. А это такое дѣло, которое можно считать заслугой не только передъ родиной, но и передъ всѣмъ человечествомъ.

Миръ праху его! Народъ русскій не забудетъ о немъ, а человечество, когда узнаетъ объ его роли въ исторіи русскаго народа, поставитъ его высоко среди своихъ лучшихъ дѣлателей свободы, красоты и правды.

Люди нижегородскаго Поволжья.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

(Его жизнь и начало дѣятельности).

Извѣстный русскій историкъ и общественный дѣлатель Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ скончавшійся 2 января 1897 г. родился въ нижегородской губерніи, поэтому для насъ, нижегородцевъ, будетъ представлять и особый интересъ нижеприведенная статья г. Шмурло, напечатанная въ „С. В.“ Изъ этой статьи мы припомнимъ только тѣ біографическія свѣдѣнія, которыя характеризуютъ періодъ его дѣтства и гимназической жизни, проведенной исключительно въ предѣлахъ нижегородской губерніи.

1.

Дѣтство.

Бестужевъ-Рюминъ родился въ 14 мая 1829 г. въ селѣ Кудрешахъ, горбатов-

скаго уѣзда, нижегородской губ., въ старинной дворянской семьѣ. Дѣтскіе годы, проведенные въ родительскомъ кровѣ, въ значительной степени опредѣлили его познательные наклонности, развили любовь къ слѣдующимъ наклонностямъ, развили любовь къ исторіи и литературному чтенію вообще.

На домѣ Бестужевыхъ лежала отпечатокъ тѣхъ аксентовъ и повѣтъ, какъ они сложились въ старое время среди лучшей части дворянскаго помѣщичьяго класса подъ вліяніемъ идей втораго половинѣ XVIII столѣтія. Отецъ Бестужевъ воспитаніе свое получалъ въ уни-ерситетскомъ благородномъ пансіонѣ, въ уни-ерситетскомъ благородномъ пансіонѣ, служилъ въ военной службѣ, былъ равенъ (кажется, подъ Фридрихсдорфомъ) и позже, объѣзжая лошадей для великаго князя цесаревича Константина Павловича, сломалъ себѣ ногу, что заставило его поселиться въ родномъ домѣ имѣніи. Здесь онъ съ увлеченіемъ занялся садоводствомъ, а еще болѣе чтеніемъ книгъ и воспитаніемъ старшаго сына. По убѣжденіямъ, это былъ дѣнь съ отбѣкомъ пшеницы, такимъ по крайней мѣрѣ высказалось мнѣніе отцовъ отцу самому К. Н. позже, при болѣе тщательномъ изученіи тѣхъ умственныхъ теченій, подъ вліяніемъ которыхъ развивались ученіи благороднаго пансіона, Николай Павловичъ никогда не заспаля безъ того, чтобы не перекреститься, и въ то-же время изъ церкви не ходилъ, не общался и, вообще, церковныхъ обрядовъ не исполнялъ. Въ домѣ Бестужевыхъ не было Евангелія или, вѣрнѣе, былъ одинъ экземпляръ, да и тѣтъ на французскомъ языкѣ. Съ Новымъ Заветомъ К. Н. познакомился впервые не по этому экземпляру, принадлежавшему его матери, а по книгѣ, которую онъ нашелъ и взялъ у сельскаго священника. Однажды отецъ засталъ сына за чтеніемъ и съ увлеченіемъ заговорилъ съ нимъ о Христѣ, объ его ученіи, о христіанствѣ. Восторженная рѣчь глубоко запала въ душу ребенка, и эту бесѣду К. Н. всегда отчетливо помнилъ и любилъ вспоминать.

К. Н. очень не любилъ комнатныхъ собакъ и кошекъ, съ горечью объясняя это тѣмъ, что слишкомъ часто видѣлъ въ дѣтствѣ, какъ животныхъ предпочитали людямъ. Но зло крѣпостного права съ избыткомъ выкупалось въ воспитаніи мальчишки, тѣмъ облагораживающимъ вліяніемъ умственныхъ интересовъ, которыми жила его семья и тонъ, который давалъ главнымъ образомъ его отецъ.

Еще ребенкомъ, засыпая въ своей дѣтской, К. Н. прислушивался къ голосу матери, читавшей вслухъ въ сосѣдней комнатѣ его гувернанткѣ „Евгенія Овѣгина“, еще съ этой поры приучился онъ любить гениальнаго поэта, художественные образы котораго на всю жизнь сохранили для него неотразимую прелесть,—того поэта, чья гениальная муза, благоухала для Бестужева самымъ тонкимъ ароматомъ неуемнаго дѣтства. Бестужевъ отчетливо помнилъ обстоятельство, при какихъ узналъ о смерти Пушкина. Въ то время ему не было еще и 8 лѣтъ. Семья жила въ Нижнемъ-Новгородѣ, у тетяи. Къ ней заѣхалъ оренбургскій губернаторъ Катенинъ, по дорогѣ изъ Петербурга къ мѣсту своей службы, и рассказывалъ подробности дуэли. Съ жадностью слушалъ мальчикъ печальную повѣсть, и въ его памяти на всю жизнь запечатлѣлось четверостишіе, услышанное отъ Катенина:

Не смей ей горькими слезами
Съ себя вѣтня,
Не отводишь ей молибами—
Жалка она!

Тщето старался К. Н. узнать, кто авторъ этихъ стиховъ, но самые стихи не забылъ. Въ 1838 г. прочиталъ онъ въ журналѣ неподписанную „Пѣсню о куцѣ Калашниковѣ“

и былъ очарованъ красотой незнакомаго еще дерзновеннаго стиха.

У К. Н. хранились старенькая тетрадь-альбомъ въ желтомъ переплетѣ съ какими-то радужными обложками; въ ней записывались стихотворенія, замѣтки, разныя мысли, въ самомъ началѣ нѣсколько страницъ историческаго конспекта (архива), записанныхъ рукою его матери (по-французски). Въ домѣ вообще господствовало французское вліяніе, а вмѣстѣ съ нимъ и французскій языкъ. Ему, совместно съ роднымъ языкомъ, К. Н. учился у матери; пѣмецкій усваивался пока мало и съ гораздо большимъ трудомъ, при помощи двухъ недолго жившихъ въ домѣ гувернантокъ.

Французское вліяніе въ значительной, однако, степени умирало въ той любви къ русской исторіи, которую внесъ въ семью отецъ К. Н.—Николай Павловичъ приходился родственникомъ князю М. М. Щербатову, извѣстному историкъ и публицисту въ домѣ княжны Щербатовой и вынесъ оттуда благодарное отношеніе къ исторіи нашей родины. „Князю Щербатову обязанъ и тѣмъ, что сталъ русскимъ историкомъ“, повторилъ не разъ К. Н. У отца была обширная и хорошо подобранная бібліотека; здѣсь имѣлись тутъ-ли не всѣ выдающіеся писатели XVIII и XIX столѣтія, русскіе и иностранцы, большой запасъ историческихъ мемуаровъ, богатая коллекція театралныхъ пьесъ (впоследствии пожертвованная К. Н. въ Импер. Публичную Библіотеку). Отецъ руководилъ сыномъ въ выборѣ книгъ, многое читалъ съ нимъ совместно, сопровождалъ чтеніе поясненіями. Такъ, вмѣстѣ съ отцомъ прочиталъ К. Н. еще до поступленія въ гимназію всю „Исторію“ Карамзина, Плутарха (и притомъ не разъ), а также всеобщую исторію абыта Миллера. Всегда съ теплымъ чувствомъ признательности вспоминалъ онъ объ этихъ совместныхъ чтеніяхъ и сопровождавшихъ ихъ бесѣдахъ.

Вообще, дни своего дѣтства, родительскій домъ, откуда всю жизнь свѣтился передъ нимъ лучезарный образъ отца, К. Н. всегда вспоминалъ съ умиленіемъ и память о нихъ благоговѣнно хранилъ какъ святыню. „Для меня съ этимъ уголкомъ“—писалъ онъ въ мѣ 1883 г., получивъ за границей извѣстіе о продажѣ имѣнія—„съ этимъ домомъ, съ этимъ садомъ, съ этими рощами соединяются такіе воспоминанія о дняхъ дѣтства, что сердце сжалось, когда получилъ извѣстіе, что все кончено... Тяжело! Вотъ почему, когда однажды ему пришлось случайно провесити съ любимой сестрой въ дорогѣ уголокъ дѣтства, онъ назвалъ эти дни „счастливейшими въ своей жизни“.

(Продолженіе будетъ).

ХРОНИКА.

Г. нижегородскому губернатору П. Ф. Унтербергеру Высочайше пожалованъ орденъ Владимира 2-й степени.

Высочайше уволенъ по болѣзненному состоянию отъ занимаемой должности викарія тверской епархіи епископъ Старицкій, Павелъ. Мисіонерство преосвященному Павлу св. синодомъ вѣнчано въ высокогорской пустыни, пахотыющейся въ арзамаскомъ уѣздѣ, въ трехъ верстахъ отъ г. Арзамаса.

26 декабря преосвященный Павелъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ и 27-го прослѣдовалъ въ Арзамасъ къ мѣсту своего пребыванія.

Наличныхъ нижегородцевъ, уѣздившихъ учиться въ Парижъ, одобренъ для представленія на парижскую выставку проектъ діалогамъ-картинокъ съ цѣлью изображенія положенія народнаго образованія по нижегородскому уѣзду.

Въ состоявшемся 19 декабря общемъ собраніи акціонеровъ общества пароходства и торговли А. А. Зенке заслушанъ былъ докладъ правленія, указывающій, что положеніе дѣлъ предпріятія приводитъ къ мысли о необходимости экстренныхъ мѣръ для освобожденія предпріятія отъ долговъ съ тѣмъ, чтобы, по удовлетвореніи всѣхъ кредиторовъ, акціонеры рѣшили вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ дѣла. Достигнуты намѣченной цѣли возможно только путемъ продажи флота, по поводу чего и ведутся въ настоящее время переговоры съ компаніей „Надежда“, общее собраніе акціонеровъ которой уже дало упомощіе своему правленію на пріобрѣтеніе всего флота общества. Раздѣлыя такое заключеніе, общее собраніе Зенке уполномочило правленіе войти въ окончательное соглашеніе съ компаніей „Надежда“ относительно продажи ему всего наличнаго имущества общества съ тѣмъ, чтобы раздѣлъ продажной цѣны и условія продажи были сообразны съ обязательствами общества въ отношеніи кредиторовъ и контрагентовъ. Далѣе, составивъ планъ удовлетворенія кредиторовъ соответственно срокамъ выданныхъ имъ обязательствъ, осуществить этотъ планъ и затѣмъ, по погашеніи всѣхъ долговъ, созвать новое общее собраніе акціонеровъ. Изъ прочитаннаго въ собраніи доклада о причинахъ нынѣшняго положенія дѣла общества выяснилось, что общество вовлечено было въ значительные расходы на капитальную постройку и увеличеніе флота, припавшаго отъ первоначальнаго собственника предпріятія насѣдниковъ А. А. Зенке, такъ что введеніе этого флота въ уровень, отвѣчающій требованіямъ большого пароходнаго дѣла, настолько обременило общество долгами, что хотя стоимость имущества и превышаетъ сумму этихъ долговъ, но въ распоряженіи общества не осталось никакихъ источниковъ для полученія оборотныхъ средствъ за текущую нужду предпріятія. При современномъ положеніи денежнаго рынка пришлось подумать не о расширеніи кредита, который былъ весь исчерпанъ, а о погашеніи прежнихъ долговъ. Между прочимъ выяснено было, что перестроенные пароходы общества и продолжаютъ носить прежнія названія, но съ одноименными пароходами прежняго владельца не имѣютъ ничего общаго; выстроенныя же новые пароходы по своимъ качествамъ и удобствамъ вполне удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ пароходнаго дѣла.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

С. БОРЪ, семен. у.

(Отъ собственнаго корреспондента).

28 декабря въ нашемъ волостномъ правленіи мѣстнымъ кружкомъ любителей былъ данъ спектакль съ благотворительной цѣлью—въ пользу бѣдныхъ учениковъ и ученицъ борскихъ народныхъ училищъ. Была поставлена драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. А. Н. Островскаго: „Не такъ живи какъ хочется“ и воденъ въ 1 д. соч. М. И. Разсудова: „Въ Сибирь на каторгу“. Спектакль привлечъ многочисленную публику и для многихъ желающихъ уже не было мѣста и приходилось отказываться. Сборъ былъ полный. Играли

любители-артисты хорошо, и спектакль отъ начала до конца прошель очень гладко. Особенно хорошей игрой выдавались гг. Гоголенъ и Соловьевъ.

Въ недалекомъ будущемъ предполагается еще любительскій спектакль.

С. ЛЫКОВО, мавар. у.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Преувеличенныя сообщенія о массовомъ появленіи волковъ около села Простѣя, истреблявшихъ будто-бы въ немъ и сосѣднихъ селеніяхъ нѣсколько сотъ овецъ, безчисла рогатаго скота и даже угрожающихъ людямъ породили много баснословныхъ, чистосвятныхъ рассказовъ, говорящихъ о богатствѣ фантазіи русскаго человека. Интересно, какъ ни фантастичны такіе рассказы, они, тѣмъ не менѣе, производятъ свое дѣйствіе на темное населеніе, которое, при всемъ сознаніи недорности рассказа, не можетъ отличиться отъ внушающаго имъ страха. Такое именно дѣйствіе на населеніе имѣли и волчій корреспондентъ: каждый чувствовалъ себя въ небезопасности и трепеталъ за собственную шкуру. Страхъ этотъ, притомъ миновалъ было послѣ того, какъ пріѣзжавшіе сюда нижегородскіе охотники не нашли около Простѣя ни одного волка и оповѣстившіе объ этомъ въ газетахъ, по неутомимому корреспонденту „Волгари“ снова и въразуміемъ снова подогрѣвъ безпокойство и опасеніе населенія, настойчиво утверждалъ, что около Простѣя волки бродятъ значительными стадами и, кромѣ того, въ теченіи декабря и января будутъ особенно смѣлы, т. е. дойдутъ жалкіе остатки овецъ и примутся за людей.

Жутко становится отъ такихъ страховъ. И жестокой же человекъ этотъ г. корреспондентъ, не дающій покоя мирному населенію. И откуда онъ только черпаетъ свѣдѣнія о „значительныхъ стадахъ“, когда объ этомъ ничего не говоритъ даже въ такомъ авторитетно-компетентномъ документѣ, какъ рапортъ сельскаго старосты. Однако какъ-бы тамъ ни было, а попасть на голодные зубы волковъ, да еще въ святочные вечера, когда каждый смертный надѣется съ удовольствіемъ провести премъ—непріятно. Невольно пожалѣешь, что наше земство не послушалось заботливаго голоса г. Иконникова о пріобрѣтеніи отъ воен. вѣдомства ураздненныхъ „берданокъ“, которые сослужили бы великую службу для уѣзда: во-1-хъ, въ одинъ стрій хищники не посмѣли-бы приблизиться къ селенію, учуявъ присутствіе въ немъ грознаго для него оружія. Слѣдовательно 1000 головъ мелкаго скота было-бы сохранено у населенія, во-2-хъ, укрѣпленное въ такой надежной защитѣ населеніе не трепетало-бы отъ страха, навѣвшихъ на него волчьими корреспондентами, отравившими все его благополучіе до расстройствъ желудка, въ 3-хъ, и гг. корреспонденты спокойно строчили-бы свои статьи безъ преувеличенія воображаемыми страхами и т. д. Правда, пріобрѣтеніе „берданокъ“ въ большомъ количествѣ во всѣ селенія уѣзда стоило-бы болшихъ денежныхъ затратъ, пожалуй, непосильныхъ земскому бюджету, но тогда, въ первое время, слѣдовало обезопасить по крайней мѣрѣ гг. гласныхъ, ибо сии общественные дѣлатели такъ полезны и дороги для уѣзда, что охраненіе ихъ драгоцѣннаго здоровья и жизни должно составлять первѣйшую заботу населенія и относится къ обязательнымъ потребностямъ земства.

Хотя выше и намекалъ на преувеличенность газетныхъ сообщеній, но онѣ слишкомъ скромны сравнительно съ рассказами, циркулирующими въ народѣ. Такъ, въ возра-

женіи на письмо раскордавателя нж. обл. охоты г. Сидоренкова, г. авторъ охотничьихъ корреспонденцій сообщалъ, что въ 1896 отъѣзда охотниковъ оставили съ собой волковъ 7 волковъ, въ слѣдующій день 14. Тогда всѣхъ волковъ можно считать разорвало шире по этой протрѣсѣ, именно: въ 2-й день видѣли 28 волковъ, на 4-й—56 и т. д. до вѣсѣлья сотъ. Тетка Малаша Щукина даже наблюдала, какъ волки много переходили черезъ Волгу. Изъ было такъ много, что, въ густомъ, они растоптались по всю ширь рѣки. Объясняютъ это необычайное явленіе тѣмъ, что до охотничьихъ волковъ около Простѣя было вообще нечего и они, прожорливые волки, чувствовали угрожающую имъ въ маломъ числѣ опасность, скрывали временно въ лѣсныхъ дѣбухъ, а когда имъ, оповѣстивъ такъ смѣлыхъ собратьевъ, съ ними грозномъ садомъ вошли въ населенію за приглашеніемъ заглянуть въ враговъ, напались своею громадою пожелать военную храбрость солдатовъ: въ чемъ и не обманулись. Въ это время случилось, что у одного мужика, пріѣзжавшаго изъ уѣздную рощу поворачивать лѣсу улака съ обрыва на дно глубокаго оврага лошади и убились. Рѣшено было воспользоваться трупами, что-бы сдѣлать изъ него приманку. Трупъ нивели на средину широкой поляны, по опушкѣ которой разлѣстились по одному вооруженные солдаты. Только-что стемнѣло, лѣсъ огласился страшнымъ боемъ и визгомъ. Слово логіонъ демона наступилъ съ всѣхъ сторонъ и теуны массы со сверкающими во мракѣ глазами выискали на поляну, сдерживая зубами. Въ одинъ мигъ она растерзала трупъ лошади, только трескъ и хрустъ слышался отъ раздробляемыхъ костей. Между нѣкоторыми за обладаніе добычей завязался драка. Екнуло сердце солдатское, морозъ мурашками пробѣжалъ по тѣлу и вольный страхъ отъ неистовствующаго сарѣпаго полчища заставилъ солдатиковъ робко ретироваться изъ своей засады и бѣжать въ село. Перепуганные они явились на лицо къ крестьянамъ.

— Что случилось? спрашиваютъ ихъ на селѣ.

— Да тамъ тьма-тьмущая волковъ. Что мы, нѣсколько человекъ, съ ними сдѣлаемъ. При попыткѣ бороться, они растерзала-бы насъ. Тутъ надо цѣлую роту.

Какъ-бы въ насмѣшку надъ этими баснословными страхами рассказывается другой анекдотъ, совершенно иначе объясняющій причину исчезновенія волковъ. По этому анекдоту волковъ около Простѣя было всего одинъ выводокъ, состоявшій изъ 13 головъ. Незадолго передъ тѣмъ, какъ пріѣхалъ охотникамъ, волки эти напали въ волъ на одного мужика, 12 окружили его, а 13-й, самый большой, наступалъ, готовясь броситься и разорвать несчастную жертву. Мужикъ, однако, не струсилъ, не растерялся и вышелъ изъ бѣды не только невредимый, но даже похвастался хвостомъ, а на 13-го сѣлъ верхомъ и всю стаю погналъ въ деревню. Здѣсь, не долго думая, схватилъ крайняго сзади волка за хвостъ и рванулъ такъ сильно, что сразу сдернулъ шкуру со всѣхъ 12 волковъ. 13-го, послѣ такого богатѣйшаго подвига, ему уже легко было освободить отъ тѣснаго охвата. Вотъ почему теперь и нѣтъ волковъ около Простѣя. Что касается вышнихъ волковъ-ли это были? Вѣдь они были такъ далеко, что не хватало-бы до нихъ даже дальнобойнаго военнаго ружья. Во всякомъ случаѣ фактъ этотъ остался официально непровереннымъ г. корреспондентомъ в то-моу что-

возительно отнестись к нему скептически, хотя бы ради успокоения насолений.

Вообще в этой истории с пресловутыми волками мало правды. Все раздуто и преувеличено. Официальные свѣдѣнія, въ видѣ довереннаго старосты, тоже далеки от истины. Если община за это убилъ овечь и вѣрно показана въ 273 головы, но изъ нихъ большая часть агнаты, погибшіе въ топой тѣни болота, около котораго пасся пресловутый табузъ и часть похищенныхъ злоумышленниками, что и обнаружено уже формальнымъ судебн. слѣдствіемъ; на долю волковъ досталось немного; въ сосѣднихъ же селеніяхъ были только единичные случаи истребления скота волками, что составляетъ обычное явленіе.

Хотя волки дѣйствительно бичъ народнаго благосостоянія, истребленіе ежегодно въ общемъ громадномъ количествѣ скота, особенно въ селеніяхъ, расположенныхъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, но и на нихъ грѣшно наивно влечетъ.

АРДАТОВСКИЙ УЕЗДЪ.

(Отъ собственного корреспондента).

Наше земство возбудило предъ губернскимъ земствомъ слѣдующія ходатайства. Ардатовскому земству въ 1892 году казна выдала 28 т. руб. изъ 5% годовыхъ. Въ уплату долга наше земское управ. послѣ просрочки, внесла 17 т. р. и изъ нихъ казенная палата удержала процентовъ свыше 4 1/2 т. р. и штрафовала за просрочку на 951 р.; за 1898 г. штрафа было уже насчитано свыше тысячи руб., а за 1899 г. сумма штрафа возросла еще болѣе. Наше земство и возбудило ходатайство, чтобы внесенная штрафная сумма была зачислена въ уплату казеннаго долга и чтобы вообще земство было освобождено отъ уплаты штрафа, объясняя свои просрочки тѣмъ обстоятельствомъ, что неплатежъ въ срокъ долговой суммы произошелъ не по вѣдѣмъ земства, а вслѣдствіе сложившихся неблагоприятныхъ для нашего уѣзда экономическихъ причинъ и слабого поступленія земскихъ сборовъ, послѣдствіемъ чего было громадное накопленіе недоимокъ—до 170 т. р.

Кромѣ того еще нашимъ земствомъ возбуждено ходатайство предъ губернскимъ земствомъ о зачетѣ учителю глуховскаго училища, Кабанову, службы его въ министерскихъ училищахъ на выслугу отъ земства пенсій и пособій.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Одинъ изъ множества подписчиковъ „Нивы“ горестно пишетъ въ „Казанскій Телеграфъ“:

Въ послѣднемъ номерѣ журнала „Нива“ только что окончена печатаніемъ повѣсть г. Михѣева „Тихія дѣла“.

Г. Михѣевъ—беллетристъ „новѣйшей формации“. Тихія дѣла—произведеніе, наглашенное по самому послѣднему модному шаблону. Здѣсь есть все, въ чемъ современныя „дружныя человечества“ видятъ залогъ будущаго счастья народнаго, т. е. „дешевая чайная“ со своими попойками и волшебный фонарь съ „туманной“ картиной и пр. Есть даже очень ловко вставленная въ какой-то диалогъ реклама извѣстной столичной фирмы пожарныхъ машинъ и мѣтѣ извѣстной казенной фабрики въ г. Кинешмѣ (!).

Персонажи повѣсти (между прочимъ добродѣтельный золоторотецъ Зимогоръ (?) и мажандецъ-подкидывшій) настолько разнообраз-

ны, что читатель для характеристики ихъ нашелъ лишь выраженіе: „всякаго жита по лопатѣ“. А конецъ повѣсти таковъ:

Трудящаяся барышня выходитъ замужъ за трудящегося учителя. Свадьба происходитъ въ женскомъ монастырѣ, въ четверть, въ 6 ч. вечера. Сама мать игуменьи устраиваетъ это вѣчаніе. Монахини поютъ „Исая ликуй“ и самъ г. Михѣевъ ликуетъ, что окончилъ удачно задуманное произведеніе“.

Если г. Михѣевъ не знаетъ, что въ монастыряхъ свадьбы не вѣчаютъ (мало ли какихъ простыхъ вещей не знаютъ современные беллетристики)—не долженъ ли былъ знать это г. Сементковскій, редакторъ „Нивы“—журнала, который читаетъ почти каждый грамотный русскій человекъ?

Не удивительно и не досадно было бы все это въ какомъ-нибудь „Восходѣ“, но для „Нивы“ этого промахъ непростительн; можно смѣло сказать, что изъ 200,000 ея подписчиковъ девять десятыхъ русскіе люди.

Все стерпѣть, значить, читатель—и фирму пожарныхъ машинъ, и казенную фабрику въ формѣ діалога, и „зимогору“ въ числѣ персонажей, но вѣчаніа въ четверть да еще въ женскомъ монастырѣ—этого ужъ не перенесетъ человекъ и запротестовать...

А говорятъ, что нашелся одинъ такой читатель, что съ горя взялъ и записалъ,—вотъ до чего можетъ довести современная беллетристика.

Кстати о „Нивѣ“. Въ одномъ изъ приложеній этого журнала было напечатано стихотвореніе тоже современнаго поэта г. Фруга: „Зеркало“. Приводимъ это стихотвореніе дословно:

О грядущемъ—ни намека,
О минувшемъ—ни слѣда...
Огражается всегда
Лишь обманчиво-глубоко
Съ ихъ зеркальной глубиной
Все въ очахъ лазурно-чистыхъ:
И созрѣвшей страсти зной
И мерцанье грѣзъ лучистыхъ...
Подношу и этотъ даръ
Ей, холодной и прекрасной,
Не плѣнивъ мечтой напрасной
Мысли свѣтъ и сердца жаръ...
Журналъ „Развлеченіе“ напечатало это стихотвореніе снизу вверхъ въ слѣдующимъ видѣ:

Мысли свѣтъ и сердца жаръ,
Не плѣнивъ мечтой напрасной,
Ей, холодной и прекрасной,
Подношу я этотъ даръ.

И мерцанье грѣзъ лучистыхъ
И созрѣвшей страсти зной—
Все въ очахъ лазурно-чистыхъ,
Съ ихъ зеркальной глубиной,
Лишь обманчиво-глубоко
Огражается всегда...

О минувшемъ—ни слѣда,
О грядущемъ—ни намека...

Теперь слѣдуетъ вопросъ: потерпѣлъ ли отъ такой перестановки продуктъ поэтического творчества г. Фруга? Если нѣтъ, то.... догадывайся ужъ самъ, читатель.

Всякія бываютъ дѣла о клеветѣ и диффамачіи, но въ Елисаветполѣ, кажется, установленъ репертъ силѣности со стороны «опороченнаго». Въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же судѣ, судились: редакторъ «Тифл. Листка» за корреспонденцію о бывшемъ джеванширскомъ уѣздномъ приставѣ Рафибековѣ и тотъ же самый Рафибековъ за дѣянія, въ корреспонденціи о немъ изложенныя!

Редакторъ, конечно, былъ оправданъ и съ миромъ отпущенъ, а его обвинитель Мирзабекъ Рафибековъ, обвиняемый въ разныхъ

преступленіяхъ по должности, между прочимъ въ умыленномъ непріятіи мѣръ къ поимкѣ бѣглецовъ-равбойниковъ, свободно проживавшихъ въ вѣчномомъ Рафибекову уѣздѣ, и истязаніяхъ, приглашенъ съѣсть и слѣзъ на скамью подсудимыхъ.

Дѣло ужъ многимъ извѣстное, что привлеченіе къ отвѣтственности за клевету въ печати—обсудострое орудіе или палка о двухъ концахъ....

Н.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Садовый и пчеловодный календарь

Я Н В А Р Ь.

1) Въ плодовомъ саду. Осматривать тщательно всѣ плодовые деревья и снимать колыца личекъ колычатого шелкопряда, прикрѣпляемые вокругъ годичныхъ побѣговъ, илѣ срѣзывать эти побѣги вмѣстѣ съ означенными колыцами; снимать также всѣ замѣчаемыя на деревьяхъ гусеничныя гнѣзда и лички съ завернутыми въ нихъ куколками другихъ вредныхъ бабочекъ; все это сжигать въ печи. Утаптывать снѣгъ вокругъ стволовъ молодыхъ деревьевъ, дабы не могли пробраться къ нимъ мыши и погрызть кору.

Стричь снѣгъ собирающийся на вѣтвяхъ массами снѣгъ послѣ обильнаго его выпаденія, такъ какъ отъ напора его могутъ обламываться сучья. Обстать и обвязать еловыми вѣтками стволы молодыхъ деревьевъ для защиты отъ зайцевъ, если ограда плоха и если раньше, въ октябрѣ—ноябрѣ, этого не сдѣлано; за неимѣніемъ еловыхъ вѣтокъ можно брать и другія,—это хорошо защищаетъ также кору отъ отмерзанія ея во 2-ю половину зимы на южныхъ сторонахъ. Осматривать ящики на сортовыхъ деревьяхъ, замѣнять стертые и выѣтрившіеся; въ дни оттепелей—рѣзать черенки желаемыхъ сортовъ и дѣлать заказы на нихъ для зимней прививки и перепрививки, если эти работы предполагаются. Закачивать деревья и ягодныя кустарники для весеннихъ посадокъ въ садъ, если таковыя не сдѣланы осенью; заготавливать колья для подвязки деревьевъ и, если надо, вывозить, навозъ въ садъ для удобренія.

2) Въ плодовомъ питомникѣ. Отпугивать зайцевъ выстрѣлами, собаками, утаптывать въ небольшихъ питомникахъ снѣгъ воколъ деревьевъ отъ мышей и освобождать отъ заносовъ снѣгомъ. Очищать деревца отъ колецъ колычатого шелкопряда, гусеничныхъ гнѣздъ и сухихъ листьевъ, въ коихъ также закрутаны куколки вредныхъ бабочекъ. Дѣлать заказы на черенки для предстоящихъ весеннихъ прививокъ въ питомникахъ. Заготавливать колышки для подвязки весеннихъ прививокъ въ питомникахъ. Закачивать сѣмена плодовыхъ деревьевъ для посадки весной на дачки.

3) Въ огородѣ, овощномъ подвалѣ и на парникахъ. Пересматривать ошощи въ подвалахъ; заготавливать навозъ для парниковъ, складывая его небольшими кучами, чтобы не прѣлъ. Заготавливать соломенные маты для парниковъ. Устраивать паровыя грѣлы для спаржи и парники-теплицы для самыхъ раннихъ выгопокъ. Ремонтировать парниковыя рамы и ящики. Дѣлать заказы на сѣмена для огорода и парниковъ. Вывозить навозъ на участки, назначенный подъ капусту. Гдѣ есть оранжереи и теплицы, можно приступить въ концѣ мѣсяца къ посѣву цвѣтвой

капусты въ переносные ящики или плошки, для заготовки рассады въ парники.

4) По сѣменному хозяйству. Очищать сѣмена, оставшіеся еще во чашечникахъ (напр., сѣмена сосны и др. хвойныхъ въ шишкахъ и пр.). Осматривать время отъ времени мѣшки и посуду съ сѣменами, наблюдать, чтобы они не отсырѣли, не заплесневѣли или не подверглись бы нападенію сѣменнаго паучка или другихъ паразитовъ; при малѣйшемъ подозрѣніи относительно ихъ благого стоянія, провѣтривать, просушивать, почаше перемѣшивать. Производить провѣрку % всхожести болѣе сомнительныхъ сѣмянъ. Стратифицировать выписанныя и полученные къ этому времени сѣмена косточковыхъ плодовыхъ деревьевъ и яблонь и грушъ, подвергать ихъ промораживанію, помѣстивъ въ стратифицированномъ состояніи въ безопасномъ притѣненномъ мѣстѣ, на открытомъ воздухѣ, подъ снѣгъ.

5) Въ плодовомъ поирѣ. Производить отборъ портившихся плодовъ, употреблять ихъ на варенья, пастыли и прочія приотопленія, дабы не пропали безъ пользы. Производить 1-ю переливку отстоявшихся молодыхъ плодовыхъ и позднихъ ягодныхъ винъ, не давая имъ долго осеиваться на отстой; вторично сливать съ отстоя вина болѣе ранній, разъ уже переливать.

6) Осматривать, ремонтировать и заготавливать садовые орудія, инструменты и приборы, необходимыя въ хозяйствѣ. Запасать необходимые материалы,—лимазку садовую, молоту, прыжки, краски, искусственные удобрения тухи и пр.

Примѣчаніе. Январь—мѣсяцъ наибольшаго затишья въ текущихъ садовыхъ работахъ; имъ необходимо воспользоваться для того, чтобы сдѣлать всѣ нужныя подготовленія къ правильному безостановочному производству всѣхъ очередныхъ работъ въ будущіе мѣсяцы.

Уходъ за пчелами въ этомъ мѣсяцѣ ограничивается лишь устраненіемъ причинъ, могущихъ ихъ обезопасить, а также наблюденіемъ, чтобы пчелы, если ульи зимуютъ въ омшаникѣ, не пострадали отъ излишняго тепла.

Въ омшаникѣ самое лучшее держать температуру зимою вообще не выше 2—3 градусонъ тепла по Реомюру; если же температура будетъ ниже, то и это не бѣда, лишь бы она не колебалась слишкомъ рѣзко и часто.

Если ульи зимуютъ на воздухѣ, то за ними необходимо наблюдать, чтобы летки ихъ не были занесены снѣгомъ и не обмерзли, вслѣдствіе выходящихъ изъ летковъ испареній, которые, скапливаясь у летковъ, могутъ ихъ закупорить и тогда пчелы пострадаютъ отъ недостатка воздуха. Въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ, въ особенности отъ заноса снѣгомъ, полезно на зиму ульи предъ летками окутывать крупнымъ сѣномъ (напр., осокой), поверхность которого отъ времени времени перетрушиваютъ, въ особенности послѣ оттепелей и обледеній. Впрочемъ, если слой сѣна передъ летками достаточно толстъ (першокъ 8—10), то подобное перетрушивание излишне, такъ какъ въ самомъ сѣнѣ зачасъ воздуха будетъ достаточно, чтобы предохранить пчелъ отъ удущенія.

Январь, февраль, а также и два предыдущихъ мѣсяца—самое свободное время у пчеловода. Въ теченіе этихъ мѣсяцевъ легко найти плотника или столяра, поэтому въ это время необходимо озаботиться о приведеніи въ порядокъ ульевъ и другихъ принадлежностей пчеловодства, а также о заготовкѣ новыхъ.

ВЪВЕСТИ ИЗЪ ВОЛЖСКО-КАМСКАГО КРАЯ.

Ярославское общество любителей музыкальнаго и драматическаго искусства состоялось 15-го декабря поэта Л. Н. Трефолева по случаю исполнявшагося сорокалѣтія его литературной дѣятельности. Чествованіе, по слову „Сѣв. Края“, отличалось рѣдкой теплотой. Былъ между прочимъ прочитанъ рядъ стихотвореній юбиляра и исполнены музыкальныя нумера. Въ тотъ же день г. Трефолевъ былъ почтенъ и какъ земскій дѣлатель дѣлшнимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, навачившимъ ему за 28-ми-лѣтнюю службу въ ярославскомъ губернскомъ земствѣ единовременную награду въ размѣрѣ тысячи рублей.

Г. пачальники самарской губерніи обратились въ думу съ предложеніемъ объ установленіи лучшей системы веденія городскихъ дѣлъ, предупреждая, въ случаѣ, если его предложеніе не будетъ выполнено, примѣнить административныя мѣры къ коренному переустройству всего городского хозяйства. Въ своемъ предложеніи онъ перечисляетъ массу погрѣшностей, замѣчавшихся въ практикѣ городского хозяйства за послѣдніе 2—3 года, причемъ, какъ на причину ихъ появленія, указываетъ на множество комиссій, создаваемыхъ думою для выполненія даже самыхъ несложныхъ дѣлъ. Начальники губерніи, между прочимъ, указали, что за послѣднее время бюджетъ города началъ немнотррости расти, благодаря налогамъ, между тѣмъ какъ со стороны городского управленія очень мало удѣляется вниманія общественнымъ нуждамъ. До настоящаго времени городъ не имѣлъ даже общественныхъ скотобойнъ, въ которыхъ ощущается необходимая потребность: частное дѣло имѣть невозможную организацію и своимъ неблагоустройствомъ оказываетъ большой вредъ санитарному составу города. Большинство городскихъ улицъ не имѣетъ мостовыхъ, между тѣмъ по главной Дворинской и прилегающей къ ней Панской улицамъ проводятъ электрическое освѣщеніе. Горожане сильно ропщутъ на бездѣятельность городского управленія, и какъ плательщики городскихъ налоговъ, они въ правѣ ждать со стороны управы большаго вниманія къ своимъ нуждамъ.

Въ Спасскѣ имѣется начальная школа, выходившая въ сиротскомъ положеніи. Школа эта имѣется церковно-приходской и всѣмъ считается за такую, но церковно-приходское попечительство отрешивается отъ нея и утверждаетъ, что названіе „церковно-приходская“ къ школѣ этой прилагается неосновательно, что церковно-приходское попечительство и вообще епархіальное вѣдомство ея не открываетъ и отпускать не будетъ. То же самое говорятъ и земство, и городъ, и бѣдная школа не знаетъ, къ кому обратиться съ своими нуждами. За послѣднее время у школы нѣтъ ни одного полѣва дровъ. Вообще въ школѣ было такъ холодно, что часто замерзали въ чернильницахъ чернила; въ первыхъ же числахъ декабря, когда стояли 20-градусные морозы и когда школа совсѣмъ не отапливалась въ теченіе трехъ дней, учительница волей-неволей принуждена была распустилъ школьничковъ и прекратить занятія. Раньше еще можно было терпѣть, въ сильныя же морозы никакія согрѣванія окончавшихся членовъ дыханіемъ помочь не могли, и понятно, что при такихъ условіяхъ немисливо было продолжать занятія.

Интересно знать, кто открылъ эту бѣдную школу, кто обязанъ содержать ее.

Если дѣло будетъ продолжаться также въ такомъ-то школѣ, то школа неминуемо должна прекратить свое существованіе, но дѣлается изъ этого выводъ, потому что въ Спасскѣ—маломъ дѣтѣ школьнаго вопроса, а существованіе школы вызывается самой жизнью.

— Несмотря на то, что Казанскій университетъ университетомъ сѣверо-восточнаго Европейской Россіи, дѣло извѣстнаго просвѣщенія простаго народа хроническая зѣбѣ на обѣ ноги. Дѣла 6—7 тому назадъ существовала здѣсь специальная комиссия по устройству народныхъ чтеній, въ составъ которой входилъ было немало профессоровъ университета. Но вотъ устройство было отложено изъ-за нѣкоторыхъ чтеній при обществѣ трезвости, который занималъ сначала рѣшѣ сдѣлать съ помощью по устройству народныхъ чтеній, а затѣмъ искорѣ поглотить ее. Дѣло постановки чтеній отъ этого безудельно пропало, и, вѣроятно, уже и потому, что члены общества трезвости нашли нежелательными участіемъ въ чтеніи дѣлающихъ и энергичныхъ лекторовъ (напр., Сорокина, Шугуберга, Лаврентова, генерала Нечаева и др.) и постарались при помощи разныхъ происковъ „замуровать“ ихъ.

Благодаря этому число посѣтителей быстро упало. Въ то время, какъ чтенія, устраиваемыя комиссіей, посѣщались сотнями людей, чтенія отдѣла общества трезвости едва привлекаютъ 2—3 десятка человекъ.

ПО РОССИИ.

ТИФЛИСЪ. Въ селеніяхъ пострадавшихъ отъ землетрясенія въ ахалкаласскомъ уѣздѣ, откопано до 800 труповъ. Пострадали тринадцать селеній, изъ коихъ шесть совсѣмъ разрушены. Экстренно приняты врачебныя мѣры. Раненные и убитые доставляются въ Ахалкалаки. Главноначальствующій сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ телеграфныхъ трехъ тысячъ рублей тифлисскому губернатору въ Ахалкалаки на экстренныя расходы и разрѣшилъ выдачу, въ предѣлахъ необходимости, пострадавшимъ есуды изъ сельскохозяйственнаго капитала, также выдачу хлѣба изъ запасовъ интендантскаго вѣдомства. 22 декабря въ Ахалкалакахъ было опять землетрясеніе.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ГУБ. Въ послѣднее время стали возникать судебныя тяжбы, подѣ называемыя „мухоловныя“ дѣла противъ пчеловодовъ, вывозящихъ свои пчелы на арочныя поля, во время цвѣтѣнія гречихи и другихъ медоносныхъ растений. По этому поводу надлежитъ поступило въ управленіе южно-русскаго общества пчеловодства ходатайство отъ пчеловодовъ-крестьянъ восточной и мриской волостей ильинскаго уѣзда, гдѣ они указываютъ на безвыходность положенія, вслѣдствіе возбужденія противъ нихъ мухоловныхъ дѣлъ, какъ за поправу пчелы пчелами („мухой“). За пролетъ пчелы на чужія поля налагается на пчеловодовъ волостными правленіями штрафъ, какъ за поправу, такъ какъ пчелы, хотя и нельзя поймать, какъ ловятъ скотину, забравшущая на чужіе поля, но пчелы, вѣроятно, собираютъ медъ съ чужихъ полей, а, по этому, штрафъ изымается по количеству ульевъ. Штрафъ налагается отъ 5 до 20 р. и болѣе съ пастки, а при неуплатѣ штрафныхъ денегъ добровольно, продается, по слову жалобчиковъ, домашній скотъ съ различныхъ торговъ. Правленіе общества пчеловодства, въ виду того, что пчелы своими посѣщеніемъ цвѣтущихъ чужихъ полей не только не приносятъ вреда, а напротивъ лишь способствуютъ урожаю, перенося оплодотворяющую пыль съ цвѣтка на цвѣтокъ,

Николай Ивановичъ Глазуновскій.

ОТЪ РЕДАКЦИИ
„НИЖЕГОРОДСКИХЪ Губ. ВѢДОМОСТЕЙ“

Съ 1-го января 1900 года неофициальная часть „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостей“ будетъ выходить ежедневно по такой-же обширной программе, какъ это было въ прошломъ 99 году. Въ эту программу войдутъ следующие отдѣлы:

- 1) Статьи по вопросамъ общественнымъ, а также педагогическимъ, экономическимъ, санитарно-гигиеническимъ и др. вопросамъ.
- 2) Телеграммы (выдающиеся по своему содержанию) Россійскаго Телеграфнаго Агентства.
- 3) Вѣсти изъ столицъ.
- 4) Хроника городской, армарочной и губернской жизни.

5) Театральныя записки.

6) Корреспонденция.

7) Изъ газетъ и журналовъ.

8) Новости науки, литературы и искусства.

9) Фельетоны: беззащитности, сатиры, прощания въ прозе и стихахъ, какъ оригинальные, такъ и переводныя произведенія, этнографическія и историческія очерки, научныя фельетоны и проч.

10) Иностранныя вѣсти.

11) Поэмы и стихи.

12) Сѣнь.

13) Справочныя отдѣлы.

14) Иллюстрация.

15) Объявленія и рекламы.

„Нижегородскія Губ. Вѣдомости“ будутъ выходить 1 разъ въ недѣлю, по средамъ, въ объемѣ отъ 10 до 20-ти страницъ. Подписная цѣна на неофициальную часть: съ доставкой на домъ въ Н.-Новгородѣ и по рѣкамъ за годъ 4 руб., за 1/2 года 2 руб. 50 к.; вѣсть съ официальной частью (полный номеръ) — за годъ 6 руб., съ пересылкой и доставкой, за 1/2 года 4 р.

Редакторъ неофициальной отдѣла Г. И. Демьяновъ.

Адресъ редакціи: Кремль, губ. типографія.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПЬЕСЫ

всѣхъ авторовъ, русскихъ, малороссійскихъ, переводныхъ—современнаго и народнаго репертуара, а также историческія и дѣтскія.

— имѣется на лицо до 1000 пьесъ. —

Между прочимъ пьесы А. Строева: 1) „Помирись“ шут. въ 1 д. съ куплетами 50 коп., 2) „Женихъ на минутку“—или „Мнѣніе особаго рода“, святочный шут. въ 1 д. (одна женская роль), 3) „Сонъ трагика“ (великопостный сонъ трагика (почти вѣроятное происшествіе) ком. въ 1 д., 4) „Честное слово“—куплеты на современныя злобы дни, 5) „Роковое число“ (проклятое число)—событіе одного дня въ 3 дѣйств. изъ чиновицкой жизни и др. того-же автора.

Пьесы продаются, откупаются на прокатъ, поныя, и подержаны (по желанію съ готовыми ролями). Цѣны пьесъ отъ 10 коп., до 2 р. 35 к. Высылаются по получеію заплата и вложеніямъ платежонъ. Заказы телеграммами не принимаются.

Кромѣ того желающимъ высылаются руководства по устройству ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ—по выбору пьесъ и руководства драматическаго искусства, а также всѣ книги, касающіяся театра и драматическаго искусства.

Рекомендуются: переписчики пьесъ, режиссеры, сфилеры, декораторы, артистки и артисты и опытные преподаватели драматическаго искусства. Даются всевозможныя справки по устройству спектаклей. Покупка пьесъ (кромѣ рукописныхъ) и всѣхъ книгъ касающихся театра и драматическаго искусства. На отвѣтъ прилагать почтовую марку. Личныя объясненія съ 5 ч. дня до 7 в. вечера. Подробныя объясненія и каталоги высылаются по первому требованію бесплатно и немедленно. Адресъ: Нижній-Новгородъ, Новалъ ул., д. Поймаровой, № 32, кв. № 5. Отдѣленіе газеты „Приложіе“ къ Вят. Губ. Вѣдомостямъ.

№4711

Рейнская фиалка

Поставилъ Двора
Его Императорскаго Величества
ФЕРА-МЮЛЬГЕНСЗ

Колокольная №4711 въ Кельнѣ на Рейнѣ и Ринѣ

Длительный Свѣжій Запахъ Фиалки.
безъ примѣси (мускуса, пачули и проч.)

Модный Парфюмъ Великосвѣтскихъ круговъ.
Предается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.

18-5

ПИСЧЕБУМАЖНАЯ ФАБРИКА
П. Е. ЧАЙКА и П. К. КУЛИКОВА

въ Василь-Сурскѣ, Нижегородской губ.

Администрація въ Москвѣ: Средніе торговые ряды, № 175/6.

СКЛАДЫ БУМАГИ: въ Нижнемъ-Новгородѣ, домъ М. М. Рукавишниковъ и Нижегородской ярмаркѣ. Производитъ продажу бумаги: почтовой, писчей, газетной, рояльной, альбомной, оберточной и прочихъ сортовъ. Пакеты для сыпучихъ товаровъ. Канторскія книги и канцелярскія принадлежности.

Бумага хорошаго качества. Цѣны по фабричному прейсъ-курранту, недорого: писчая № 8 отъ 80 к., № 7 отъ 1 р. 20 к., № 6 отъ 1 р. 75 к., № 5 отъ 2 р. 15 к., № 4 отъ 2 р. 45 к., почтовая отъ 2 р. 60 к. стопа.

Образцы и прейсъ-курранты высылаются по требованію бесплатно.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Т-ва Печенкина и К^о.

Нижній Базаръ, д. М. М. Рукавишниковъ, телефонъ № 158.

ПОКУПАЕТЪ И ПРОДАЕТЪ:

ВЫГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ, ПРОЦЕНТНЫЯ БУМАГИ, СЕРИИ И ИНОСТРАННЫЯ ДЕНЬГИ

ВЫДАЕТЪ ССУДЫ: подъ I заемъ 270 руб.

„ „ „ II „ 240 „

„ „ „ Дворянскій заемъ 200 „

а подъ другія процентныя бумаги 10% ниже биржевой цѣны.

Принимаетъ на храненіе % бумаги, оплачиваетъ срочныя купоны и всѣ тиражные билеты Государственнаго банка бесплатно.

ВПРЕДЪ ДО ИЗМѢНЕНІЯ ПЛАТИТЬ:

По вкладамъ на 1 годъ 5 1/2 %

„ „ „ 6 мѣсяцевъ 4 1/2 „

До востребованія и по текущему счету . . . 3 1/2 „

Страхуетъ выигр. билеты отъ тиражей погашенія.

Принимаетъ переводы денегъ на города, гдѣ есть конторы Т-ва, С.-Петербургъ, Казань, Саратовъ и Екатеринбургъ.

Всѣ иногороднія порученія исполняетъ въ точности.

Контора открыта съ 8 1/2 ч. утра до 3 1/2 ч. дня, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

16-й г.
изданія.

Открыта подписка на 1900 г.

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ

16-й г.
изданія.

4 р. ВОКРУГЪ СВѢТА. 4 р.

50 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ №№ въ годъ.

содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Л. Н. Маминъ-Сибирякъ, Вас. Ив. Немировичъ Данченко, Н. Н. Каравинъ, К. М. Станюковичъ, А. А. Осиповъ, А. Гренъ, Н. А. Чеголовъ, Л. Ф. Черскій, В. Н. Свѣтловъ, В. І. Гурланъ, А. П. Смирновъ, П. П. Инфатенъ, К. В. Посиловъ (извѣстн. путешественникъ) и др.

Кромѣ того, годичная подписка на 50 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ №№ въ годъ, составляетъ 2-хъ томный журналъ „Вокругъ свѣта“ (полный курсъ) за 10 руб. (оплатить 10 руб. для получателя).

размѣромъ 20 1/4 в. въ длину и 13 1/4 в. въ ширину, исполненныхъ въ 28 краскахъ въ артистическомъ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ.

1) „НАПОЛЕОНЪ ВЪ ПЛѢНУ У КАЗАКОВЪ“ (Эпизодъ изъ войны съ Наполеономъ).

Съ картины художника МАЗУРОВСКАГО.

2) „ВЪ АББАСЪ-ТУМАНЪ“ (Замѣчательная картина изъ Закавказья).

Съ картины художника КИСЕЛЕВА.

Въ текстѣ журнала будетъ помѣщенъ новый романъ Васил. Ив. Немировича-Данченко „Сторожевые Огни“.

КОМИССІОНЕРЫ и АГЕНТЫ,

желающіе имѣть значительный заработокъ, благоволятъ адресоваться подъ лит. Lohnender Erverb an Haasenstien & Vogler, Budapest Dorotheengasse 9. (Австрія).

Управление сызрано-виземской желѣзной дороги доводитъ до общаго свѣдѣнія, что 8-го января 1900 года, въ 12 час. дня, въ помѣщеніи его въ г. Калугѣ, назначаются конкурренція, посредствомъ подачи заявленій въ запечатанныхъ конвертахъ, на поставку для потребностей 1900 года, въ назначенные въ „Правилахъ участія въ конкурренціи“ сроки слѣдующихъ матеріаловъ:

6590 шт. бревенъ сосновыхъ разныхъ размѣровъ.

31200 „ досокъ соснов. обрѣзъ. „

52855 „ теса соснов. обрѣзъ. „

13970 „ пластинъ сосновыхъ „

381180 „ шелевки сосновой „

или 101479 единицъ объема, при чемъ за единицу объема принята тесана размѣромъ 9 ар. 5 1/2 в.

Означенные лѣсные матеріалы должны удовлетворять установленнымъ на дорогѣ техническимъ условіямъ. Лица, желающія принять участіе въ означенной конкурренціи, приглашаются подать о томъ не позже 12 час. дня 8 января мѣсяца 1900 года свои заявленія вмѣстѣ съ цѣнами и къ заявленіямъ приложить подписанныя заявительми: 1) правила участія въ конкурренціи, 2) условія поставки и 3) техническія условія. Кромѣ сего заявленія должны быть обеспечены залогомъ въ размѣрѣ 1 1/2 % отъ суммы предлагаемой поставки, каковой залогъ вносится порядкомъ, указаннымъ въ „Правилахъ участія въ конкурренціи“. Экземпляры означенныхъ правилъ и условій, а также подробныя описи вышеуказанныхъ лѣсныхъ матеріаловъ по размѣрамъ таковыхъ желающіе могутъ получать почтой или лично во всѣ присутственныя дни съ 10 часовъ утра до 4 час. дня въ управленіи дороги отъ начальника матеріальной службы. Тамъ же можно получать и всѣ необходимыя справки и разъясненія.

3) Въ шести томахъ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ
ГУСТАВА ЭМАРА.

Въ это собраніе войдутъ слѣдующіе романы въ полныхъ и точныхъ переводахъ.

- 1) Искатели сѣверовъ.
- 2) Стелные разбойники.
- 3) Законъ Лича.
- 4) Флибустьеры.
- 5) Золотая горница.
- 6) Курумизла.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя:

НА ГОДЪ съ 2 т. „Робинзонъ Крузо“, 4 т. „Три мушкетера“ и 6 т. „Густанъ Эмаръ съ достат. и неоплат.“

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля и къ 1 июля по 1 р.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Ильинскій вор., д. Титова.

Кромѣ того, подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Т-вомъ И. Д. Сытина.

5-5

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Принимается подписка на 1900 годъ

ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ВЯТСКИМЪ Губ. ВѢДОМОСТЯМЪ издаваемую по слѣдующей программѣ:

- I. Статьи по общественнымъ вопросамъ.
- II. Телеграммы.
- III. Внутреннія вѣсти.
- IV. Хроника.
- V. Городская жизнь.
- VI. Судебныя хроники.
- VII. Заграничныя вѣсти.
- VIII. Научныя вѣсти.
- IX. Объявленія.

Газета выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Подписная цѣна на газету съ телеграммами съ доставкой и пересылкой: на годъ 5 руб., на полгода 3 руб., на 2 мѣсяца—1 руб., на 1 мѣсяць—50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Вяткѣ, въ редакціи „Приложія“ (изъ Губернскаго Правленія), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ губерніи.

Отдѣленія газеты имѣются въ городахъ: Нижнемъ-Новгородѣ, Пелми, Златоустѣ, Саранскѣ, Урюмѣ, Уфѣ, Сибирскѣ, Копельскѣ, Мамыжѣ, Елабугѣ, Глазовѣ, Ижевскѣ и Орскѣ.

3-3. Редакторъ Н. ОЗЕРОВЪ.

СЕЛЬСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ГАЗЕТА.

ИЗДАВАЕМАЯ ПРИ „ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМЪ ВѢСТНИКѢ“.

Программа: *Извѣстія о Государь Императоръ и Царяхъ Его Августѣйшаго Семейства.**Законы и распоряженія Высшаго Правительства, какъ относящіеся до крестьянскаго быта, такъ и всѣ тѣ, знаніе коихъ можетъ быть полезно для сельскаго населенія.**Разныя статьи и извѣстія о внутреннемъ дѣлѣ Россійской Имперіи, какъ-то: объ урожаяхъ; о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ и другіе необходимѣйшіе предметы; объ улучшеніяхъ по сельскому хозяйству и народной промышленности; наступленія и указанія по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности; о сохраненіи здравія; о предосторожностяхъ отъ жаровъ, скотскихъ падежей и другихъ бѣдствій; объ устройствѣ заведеній, полезныхъ въ сельскомъ быту, и т. п. — Сообщенія изъ волостей. — Отчеты Редакціи, съ разъясненіями на вопросы подписчиковъ по дѣламъ сельскаго быта.*

Подписчикамъ на „Сельскій Вѣстникъ“ будущаго 1900 г., выписывающимъ газету за деньги, будетъ высланъ при газетѣ бесплатно „КАЛЕНДАРЬ И СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА“ на 1900 годъ, содержащій въ себѣ свѣдѣнія полезныя для сельскихъ жителей*). Кроме того, подписчики будутъ получать бесплатно, какъ и въ 1899 году, ежемѣсячный журналъ, состоящій изъ книжекъ для народнаго чтенія, издаваемыхъ съ 1-го Января 1897 года подъ наблюденіемъ Главнаго Редактора газеты „Правительственный Вѣстникъ“ въ видѣ

бесплатныхъ приложений

къ газетѣ „Сельскій Вѣстникъ“, ежемѣсячно (около трехъ печатныхъ листовъ или 48 страницъ въ каждой книжкѣ),

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„БОГЪ-ПОМОЧЬ“.

Содержаніе этихъ книжекъ, общепонятное сельскому люду, будетъ состоять изъ статей: религіозныхъ, историческихъ, сельскохозяйственныхъ, научныхъ, разныхъ разсказовъ, стихотвореній и смѣси. Въ случаѣ надобности, будутъ помѣщаться рисунки въ текстѣ или на отдѣльныхъ листахъ.

Подписная цѣна на газету „Сельскій Вѣстникъ“ съ приложеніемъ книжекъ „Богъ-Помощь“ слѣдующая:

	на	на	на	на
для городскихъ подписчиковъ:	1 годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
безъ доставки	1 р.	60 к.	35 к.	15 к.
съ доставкою	1 р.	20 к.	70 к.	40 к.

для иногородныхъ:				
черезъ волостн. правленія	1 р.	60 к.	35 к.	15 к.
„ почтовыхъ мѣста	1 р.	20 к.	70 к.	40 к.

Отдѣльные нумера газеты „Сельскій Вѣстникъ“ продаются по 3 коп., а съ приложеніемъ по 4 коп., на почтовую пересылку иногороднымъ прибавляются 3 коп. на каждый нумеръ. Отдѣльной подписки на изданіе „Богъ-Помощь“ и отдѣльной продажи книжекъ нѣтъ.

Подписка на „Сельскій Вѣстникъ“ съ приложеніемъ и объявленія для помѣщенія въ газетѣ и книжкахъ принимаются въ Конторѣ Редакціи „Правительственнаго Вѣстника“. Плата за объявленія, печатаемая въ концѣ нумеровъ „Сельскаго Вѣстника“, — 25 коп., за печатную строчку мелкаго шрифта и 40 коп. за такую же строчку на послѣдней страницѣ, а въ книжкахъ слѣдующая:

Страница	60 р.	50 к.	1/4 страницы	16 р.—к.
1/2 страницы	30 р.	25 к.	1/8 „	8 р.—к.

Въ Конторѣ Редакціи „Правительственнаго Вѣстника“ продаются новыя книги:

1) „Свѣдѣнія о Сибири“ (Сборникъ статей „Сельскаго Вѣстника“ о Сибири и переселеніи), съ картою Европейской и Азіатской Россіи. Цѣна 1 руб. 25 коп. съ пересылкою, а съ наложеннымъ платежемъ 1 р. 40 коп. и

2) Сборникъ Разъясненій Сельскаго Вѣстника за послѣдніе четыре года (1894—1897). Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою, а съ наложеннымъ платежемъ 1 р. 70 коп.

*) Въ волостныхъ правленіяхъ и другихъ мѣстахъ и лицахъ, получающихъ газету бесплатно, „Календарь“ съ прибавленіями будетъ высылаться только за плату 25 коп., съ пересылкою.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ и ПОЛНУЮ ГАЗЕТУ

„С.-ПЕТЕРБУРГЪ“ 1/2 года. 1 р.

съ картинками и иллюстрированной хроникой

Изданіе безцензурное 1 Годъ содѣмой.

Собственныя Типографіи.

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ НЕДЕЛЮ.

Основы направленія газеты: независимость, человеколюбіе и отсутствіе лицемерія.

Содержаніе: Передовыя статьи; приговоры и правительственныя повѣсти; послѣднія извѣстія изъ-за границы, столицы и изъ провинціи; уголовныя дѣла: историческія и научныя статьи; о спиритизмѣ; романы, повѣсти, разсказы, стихи, смѣсь; почт. ящики; списки умершихъ.

Подъ редакціей сотрудника „Новаго Времени“ А. МОЛЧАНОВА

Цѣна съ доставкою и пересылкою: за годъ 2 р., за полгода 1 р. за три мѣсяца 50 к.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій, д. 139. Главная Контора газеты „С.-Петербургъ“.

5—3

„КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ,

Цѣна за годъ
ОДИНЪ руб.

предназначенный преимущественно для самыхъ мелкихъ хозяевъ и для крестьянъ.

Журналъ „КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“ допущенъ въ бібліотеки всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній и въ БЕЗПЛАТНЫЯ НАРОДНЫЯ ЧИТАЛЬНИ.

Господиномъ Министромъ Финансовъ признанъ желательнымъ для выписки въ читальни, чайныя и бібліотеки, организуемая Комитетами попечительства о народной трезвости.

Выдержки изъ отзывовъ о журналѣ „Крестьянское Хозяйство“:

1) „Тамбовскія Губернскія Вѣдомости“ № 6—1899 г.: „Небольшой, но интересный журналъ „Крестьянское Хозяйство“ назначенъ исключительно для деревни; содержаніе статей хозяйственное, пригодное въ сельскомъ быту. Журналъ охватываетъ всю деревенскую жизнь, всѣ ея промыслы, искусства и занятія. Статьи написаны просто, толково, ясно, убѣдительно, поясняются и доказываются чертежами и рисунками. Печать крупная, четкая, статьи понятны и удобопримѣнимы на практикѣ. Съ своей стороны, зная деревенскую жизнь, ея нужды и запросы, мы думаемъ, что каждое волостное правленіе должно выписывать „Крестьянское Хозяйство“ такъ же обязательно, какъ выписывается „Сельскій Вѣстникъ“; они взаимно дополняютъ другъ друга и должны рядомъ стоять въ бібліотекѣ деревенскихъ книгохранилищъ-читаленъ. Кто любитъ деревню и желаетъ ей добра отъ чистаго сердца, тотъ обязанъ всѣми мѣрами распространять свѣдѣнія о новомъ изданіи, предпринятомъ на пользу деревни. Помѣщая эту замѣтку мы увѣрены, что намъ не разъ скажутъ спасибо тѣ, кто выпишетъ и будетъ читать „Крестьянское Хозяйство“.

2) Журналъ „Садъ и огородъ“ № 4—1899 г. „Подъ названіемъ „Крестьянское Хозяйство“ родился журналъ, въ которомъ чувствовалась необходимость уже давно. Изящное изданіе, содержащее статьи исключительно практическаго характера по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, богато снабжено рисунками, что дѣлаетъ его понятнымъ для всякаго умѣющаго читать. Сельскіе священники, народные учителя и учительницы окажутъ громадную услугу развитію правильной постановки сельскохозяйственной дѣятельности крестьянина, позаботясь о распространеніи единственнаго въ этомъ родѣ журнала, изъ котораго въ теченіи года составитъ незамѣнимая и весьма полезная книжка“.

Срокъ выхода: ежемѣсячный, сброшурованными тетрадками, съ рисунками.

Подписная цѣна на журналъ „КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“: за годъ 12 выпусковъ, съ пересылкою, ОДИНЪ руб.

Подписка принимается только въ конторѣ журнала „КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“: С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13.

3—3.

Дозволено цензурою.

Нижегородская губернская типографія.

Редакторъ Г. П. Демьяновъ.